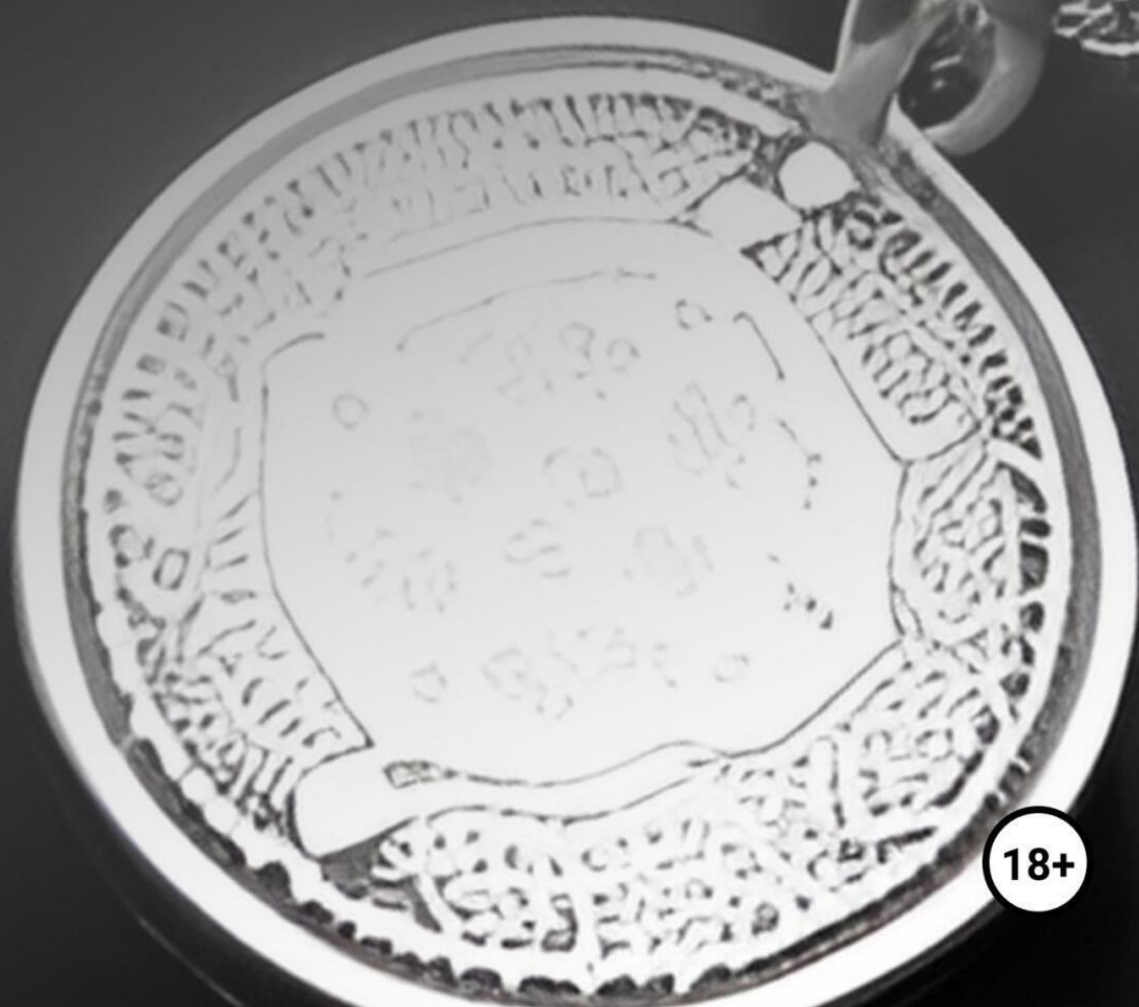

НИКОЛАЙ ЛЕДИНСКИЙ

АМУЛЕТ 5

18+

Николай Лединский

Амулет. Книга 5

«Автор»

2024

Лединский Н.

Амулет. Книга 5 / Н. Лединский — «Автор», 2024

Два главных героя романа – Григорий и Стас, – до поры до времени вовсе не знавшие друг друга, волею судеб оказываются причастны к одной и той же загадке, к странной истории амулета «Тайна вселенной». Читателю становится ясно, что в охоту за амулетом, судя по всему, вмешивается еще некая третья сила, но кто и почему это делает, разгадать как героям романа, так и его читателям оказывается не так-то просто. Амулет, способный влиять на судьбу человечества, в свое время был разделен верховными вождями народа майя на несколько частей, и теперь именно Григорию Ачамахесу надлежит отыскать и собрать воедино фрагменты «Тайны вселенной».

© Лединский Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава первая. Стас	6
Глава вторая. Григорий.	17
Глава третья. Стас.	25
Глава четвертая. Григорий.	31
Глава пятая. Стас.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Лединский

Амулет. Книга 5

Не кради

(Библия, Исход, глава 20, стих 15).

Глава первая. Стас

Дуглас медленно обходил квартиру, брезгливо морща нос и еле удерживаясь от того, чтобы не зажать его рукой. Запах, действительно, был мерзкий. Несмотря на то, что мы открыли все окна и двери, затхлый запах неубранного помещения, грязного белья, перегара и табака настолько устоялся здесь, впитался во все предметы в доме, что избавиться от него простым проветриванием было невозможно. Похоже, хозяин этого убогого жилища давно забыл, что такое уборка. Повсюду царила невероятная грязь, в углу громоздилась куча пустых бутылок из под пива и виски. Грязное бельё валялось прямо на полу, в разных углах комнаты. Дуглас подошёл поближе к висельнику и, не скрывая своего презрения, сказал:

– Всё понятно. Допился. Муки совести и всё такое. Будем оформлять, как самоубийство, – с этими словами он деловито достал нож из заднего кармана брюк.

Несколько подчинённых подбежали к нему, помогая вынимать то, что было Мартином, из петли. Когда труп был уложен на пол, Дуглас по рации вызвал судмедэксперта, фотографа и все полагающиеся в подобном случае службы. Ещё раз взглянув на труп и обведя помещение тяжёлым взглядом, он сказал:

– Нужно поискать предсмертную записку. Странно, что она не лежит на видном месте. Самоубийцы обычно их не прячут.

– А с чего вы взяли, что должна быть записка? – неожиданно раздался спокойный голос Иннокентия.

Толстяк обернулся на его реплику с таким видом, словно Иннокентий сказал или сделал что-то неприличное. На его лице застыло выражение досады на этого русского, который стал свидетелем его неудачи, а теперь будет путаться под ногами и мешать работать, задавая свои неуместные вопросы. С видом знатока, поясняющего дилетанту прописные истины, он сказал:

– Если человек в здравом рассудке и, – он покосился на труп, – пусть даже не очень трезвой памяти, решается на самоубийство, он хочет что-то этим своим поступком доказать. И чтобы все поняли – что именно, он объясняет мотивы своего поступка в предсмертной записке. Мне бы очень хотелось, чтобы вы помогли мне её разыскать, после чего мы занялись бы другими, более важными делами.

Иннокентий невозмутимо подошёл к трупу, внимательно осмотрел его голову и шею, после чего обратился к своему американскому коллеге:

– Кевин, я очень уважаю тебя как профессионала, но сейчас я не могу согласиться с твоими выводами. Это, к сожалению, самое настоящее убийство.

Уязвлённый, Дуглас вопросительно вскинул брови и раздражённо спросил:

– Да с чего ты это взял?!

– Учёба в КГБ, мой друг, учёба в КГБ. Обрати внимание на странгуляционную полосу, – он подвел Дугласа к телу и чуть приподнял голову Мартина.

– След от петли. И что? – не понимал старший инспектор американской полиции.

– Это не простой след от петли, – терпеливо начал объяснять Иннокентий. – У самоубийцы он не смыкается сзади. Посмотри внимательно – сомкнувшийся след на затылке красноречиво указывает на то, что бедняге стянули шею вниз и подвесили, когда он был уже без сознания. Явное убийство.

Дуглас задумчиво посмотрел на покойного, зачем-то ощупал его шею. Настроение у него испортилось. Вместо закрытия дела о похищении девушек, он получил ещё одно убийство, в расследовании которого пока не просматривалось никаких перспектив.

– Ну, – Дуглас неопределённо пожал плечами, – пока повременим записывать это, как самоубийство. В конце концов, профессионально установить причину смерти может только судмедэксперт. Сейчас он приедет, и мы сможем классифицировать происшествие по всем

правилам. Но в любом случае, и тем более, если это убийство, нам нужно тщательно осмотреть всё вокруг, чтобы найти какие-нибудь дополнительные свидетельства.

Спорить с этим разумным доводом никто не стал, и мы начали сантиметр за сантиметром обследовать жилище. Ничего необыкновенного, привлекающего внимание, нам не попадалось: неоплаченные счета, старые письма, фотографии Мартина с друзьями и близкими, сделанные, видимо, ещё до того, как он был покорён зелёным змием. Обычный архив не очень аккуратного холостяка.

Заметив, что мы дублируем друг друга, перебирая по несколько раз одни и те же предметы, я решил расширить круг поисков и предложил:

– Давайте вы останетесь внизу, а я посмотрю, нет ли чего выше. Поднимусь-ка я на чердак. Может быть, там что-нибудь найдётся.

– Ладно, только возьми, – Дуглас запнулся, – моего человека.

Раздумывая о том, опасался он за мою сохранность или просто не доверял, как штатскому, я не стал, и в сопровождении вооружённого напарника поднялся вверх. На чердаке царил ещё больший беспорядок, чем внизу. Хозяин скидывал сюда всё, что ему мешало. И, видимо, бардак в комнате объяснялся только тем, что на чердаке просто не осталось места для такого количества хлама. Владельцу этих «апартаментов» просто не приходило в голову, что вещи можно выкидывать на помойку. Пыли было столько, что у меня в носу зашевелилось, и я чихнул. Как будто в ответ на произведённый мной звук, я услышал слабый шорох в дальнем углу чердака. «Наверное, это крысы, – с отвращением подумал я, и брезгливо попятился. – Терпеть не могу этих мерзких животных и не понимаю людей, которые доводят свой дом до такого состояния, что в нём заводятся крысы». Тем не менее, надо было проверить, что это за шорох, да и неудобно пасовать перед какой-то тварью на глазах у бравого полицейского. Преодолев массу препятствий в виде коробок, старой разломанной мебели, сваленной посуды и прочих ненужных вещей, я добрался до интересующего меня угла, и увидел огромный сундук, покрытый толстым слоем пыли. Этот слой был нарушен в нескольких местах, как будто кто-то совсем недавно прикасался к нему. Я открыл крышку и на самом дне сундука увидел скрюченную фигурку. Присмотревшись, я понял, что это мальчонка, одетый в тряпье и перепуганный до полусмерти. Увидев меня и моего напарника, который, услышав шорох, выхватил пистолет и держал его наготове, мальчишка дико заверещал:

– Дяденьки, не убивайте! Я ничего не знаю, ничего не слышал! Я здесь просто ночевал!

Я, как мог, успокоил его и сказал, что мы вовсе не собираемся его убивать, а дядя с пистолетом – представитель закона, призванный защищать таких маленьких мальчиков, как он. Когда он немного успокоился, я громко крикнул Иннокентию и всем остальным, чтобы они поднимались вверх.

Все столпились вокруг сундука. Парнишка немного освоился, вылез из него и присел на край. Вид у ребёнка был плачевный: очень худой, оборванный, в огромной грязной рубашке и истоптанных башмаках, от которых осталась уже одна подошва, он напоминал бездомного бродяжку. Дуглас присел перед ним на корточки и с самыми мягкими интонациями, на которые был способен этот, в общем-то, добродушный толстяк, спросил:

– Ты откуда, сынок? Как ты здесь оказался?

Мальчишка был очень напуган. Он сидел и размазывал грязными маленькими кулачками слёзы по щекам, время от времени жалобно всхлипывая. Но отеческие интонации Дугласа и присутствие такого количества доброжелательно настроенных людей подействовали на него успокаивающе, и через некоторое время он заговорил:

– Я сбежал из дома. Мои родители всё время напивались и устраивали пьяные драки. Когда я попадался под руку, меня тоже колотили. Я не выдержал такой жизни и сбежал. Ночевал, где придётся, пока не нашёл этот дом. Хозяин здесь бывал редко, а на чердак вообще

никогда не залезал. Вот я и пристроился здесь ночевать. Дя-а-деньки, – его голос опять стал умоляющим, – я, правда, ничего не видел, я спал.

Дуглас пристально посмотрел на него и, всё тем же мягким голосом, сказал:

– А ведь ты меня обманываешь, Роби. Мне кажется, ты всё-таки что-то видел и знаешь, но почему-то не хочешь нам сказать.

Глаза мальчика расширились от удивления:

– А как вы догадались, что меня зовут Роберт?

Дуглас засмеялся:

– Мне, дружок, по штату положено знать имена всех детей, которые находятся в розыске. Я знаю, что твои родители тебя искали, и ищут до сих пор. Зачем ты нас обманываешь и наговариваешь на них? Они достойные люди, а никакие не пьяницы. Почему ты от них ушёл?

Роби исподлобья взглянул на Дугласа, упрямо нахмурил брови и пробурчал:

– Я ничего вам не скажу, если вы снова отдадите меня родителям.

– Хорошо, – легко согласился Дуглас, – я не отдам тебя родителям, а ты мне расскажи, что всё-таки здесь случилось. Я тебе обещаю, что сам позабочусь о тебе.

– Да-а, – недоверчиво протянул Роби, – позаботитесь. Знаю я вашу заботу. Сдадите в какой-нибудь приют, где хуже, чем в тюрьме, вот и вся ваша забота.

– Да нет же, – заверил его Дуглас, – я даю тебе настоящее мужское слово, что сам подумаю, как тебе помочь. Во всяком случае, постараюсь сделать так, чтобы тебе понравилось. Договорились?

Мальчик неуверенно кивнул.

– И всё-таки скажи, – продолжал Дуглас, – тебя действительно обижали дома?

Я решил поддержать полицейского и подключился к разговору:

– Странно, за что тебя обижать? Ты такой отличный парень, такой симпатичный... Давно ты убежал?

Вместо ребёнка мне ответил Дуглас:

– Давно. Его уже почти полтора месяца разыскивают.

– Неужели такой хороший мальчик, – без зазрения совести льстил я, – мог просто так уйти из дома? У тебя, наверное, была серьёзная причина?

Дуглас укоризненно посмотрел на Роби и задумчиво сказал:

– Твоя мать – милая женщина. Наверное, днями и ночами льёт слёзы, и ждёт тебя домой.

Роби ответил с обидой в голосе:

– Как же! Плачет! Наверняка рада, что избавилась от меня. А Дороти теперь вообще раздолье.

– А кто такая Дороти? – заинтересованно спросил я.

– Всё из-за неё, – вдруг с ожесточением сказал Роби. Мне показалось, он даже не слышал моего вопроса, просто говорил, поддавшись нахлынувшим горьким переживаниям. – Из-за неё я ушёл из дома. Мать стала потакать всем её капризам, никого, кроме неё, не замечала. Только и было слышно целый день в доме: «Как Дороти кушала? Довольна ли Дороти? Как Дороти спала? Понравилась ли ей новая игрушка?» А меня как будто не стало. Я как чужой ходил по дому, и никто не обращал на меня внимания. Одна Марайя меня любила. А Дороти такая противная, забрала у нас всё внимание мамы. Всё у нас в семье изменилось, когда мама вышла замуж за этого мерзкого Джона. Она перестала любить нас с Марайей. Вся любовь доставалась Джону, а когда появилась на свет Дороти, нас вообще перестали замечать. Зато когда я случайно разбил игрушку Дороти, меня заметили и такой подняли крик! Ненавижу их всех! – вдруг резко, не по-детски выпалил он и отвернулся от нас к стене.

Честно говоря, его исповедь не вызвала у меня ни капли сочувствия. Я могу понять, когда дети убегают из дома и терпят лишения, если их родители пьют, бьют их, а то и сами выгоняют на улицу шлаться по помойкам. Но это был просто маленький озлобленный эгоист из

благополучной семьи, который обиделся на мать только за то, что она перестала уделять ему всё своё время и позволила себе устроить личную жизнь и завести общего с новым мужем ребёнка. Но читать мораль я ему не стал. Нас гораздо больше интересовало то, что он мог заметить в день гибели Мартина со своего чердака. Начни я упрекать его в эгоизме, он замкнулся бы, и мы вообще ничего не узнали бы. Его нужно было расположить к себе и разговорить.

Тут, как большой знаток детских душ, за дело взялся Иннокентий. Он подошёл к Роби, погладил его по плечу и сказал, как равному:

– Да брось ты всех этих баб! Мы же с тобой мужики, и нам нет дела до их возни. Подумаешь, одна большая тётка носится с другой, маленькой. Нам-то что до этого? Нам, настоящим мужчинам, некогда переживать по таким пустякам. Никогда не поверю, что такой серьёзный парень, как ты, приревновал маму к сопливой девчонке! – Иннокентий даже рассмеялся от такого невероятного предположения.

Роби с надеждой взглянул на него, потом просиял и тоже рассмеялся:

– А ведь Дороти, и правда, сопливая! Хотя, – он вдруг снова стал серьёзным, – всё-таки очень хорошенькая. А, – махнул он рукой, – ей всё равно далеко до Марайи. Вот она действительно красавица, – подытожил он тоном знатока.

– Ты скучаешь по ней? – осторожно спросил я.

– Скучаю, – признался Роби. – Она единственная всегда любила меня. И даже делилась конфетами, потихоньку от мамы.

Иннокентий взял мальчика за руку и сочувственно спросил:

– А что, твоя мама такая злючка, что не дает тебе конфет?

Вспомнив о маме, Роби как-то сразу погрузился. И, хоть он старался казаться взрослым, в этот момент мы все увидели перед собой одинокого и беззащитного ребенка.

– Нет, – тихо произнес он. – Просто она говорила, что от конфет у меня будет диатез.

– Неужели правда? – поддержал я беседу. – И как он выглядит, твой диатез? Он хватал тебя за нос? – Я старался растормошить мальчишку и расположить к разговору. Мальчик кивнул и смущенно, словно его уличили в какой-то слабости, опустил глаза.

На минуту он замолчал. В воздухе повисло неловкое молчание и почему-то стало душно. Дверной проем заслоняли полицейские, а единственное окно чердака было закрыто. Мы стояли вокруг Роби и не знали, что делать дальше. Как вести себя с ребенком, который нуждается в обычной материнской ласке.

Вдруг Роби, словно что-то вспомнив, горячо воскликнул:

– Но я хочу вам не об этом рассказать! – мальчик уже доверчиво и деловито посмотрел на меня. – Марайя – она хорошая, вы можете верить мне!

Эта фраза, прозвучавшая как вызов, насторожила меня. В голосе мальчика чувствовалась любовь к сестре и, одновременно, желание доказать нам ее положительность. «Он определенно знает что-то важное о ее жизни», – подумал я. И в подтверждение моих мыслей Роби, как бы оправдывая Марайю, продолжил:

– Только, наверно, слишком доверчивая, если связалась с таким сбродом.

– Чем же тебе не угодили ее друзья? Может, ты пробовал уже и курить с ними?

– Курить в такой отстойной команде – нет уж! Еще чего!

– Так чем же тебе не угодили друзья твоей замечательной сестры? – многозначительно выдохнул Иннокентий. – Кстати, сколько лет твоей Марайе?

– Не помню. Но она взрослая уже, ходит в последний класс колледжа.

«Бедный парень не находит себе места в компании взрослой сестры. Ей должно быть семнадцать или восемнадцать, не меньше», – подумал я.

Роби выглядел смекалистым, но щуплым и маленьким подростком в самом начале трудного возраста. Его вид не позволял ему дать больше десяти лет. Конечно, это возрастная про-

пасть, и она сейчас неумолимо отделяет сестру и брата. Эти годы, которые лет через двадцать не будут играть почти никакой роли, сейчас кажутся непреодолимыми.

– Наверно, сестра отправляет тебя рано спать и не берет в свою компанию? – спросил я.

– Да ну ее! – скривился мальчик. – Вообразила вдруг, что она актриса, это ж надо! Актриса! Тоже мне – Джулия Робертс нашлась! Сидит целыми днями перед зеркалом, красит губы, глазки, то плечиком поведет, то так, то эдак, – и Роби неожиданно настолько искусно скопировал движения сестры, что все мы засмеялись.

Обстановка разрядилась. Мальчик еще немного повеселил нас, пародируя Марайю, и Дуглас даже предрек ему большую карьеру актера. Иннокентий и я с ним дружно согласились. Однако Роби вдруг стал серьезным и сказал, что хочет быть крутым полицейским и наказать друзей сестры. Тут нам стало не до смеха. Ведь если у десятилетнего мальчика возникло желание к кому-то применить закон, то на это должны быть довольно серьезные причины.

– Так кто же все-таки ее друзья? – спросил я, инстинктивно чувствуя, что сейчас Роби может сказать нам нечто очень важное.

Несколько секунд Роби посопел. Видно, ему тяжело было решиться доверить нам тайны своей сестры.

– Последнее время она подцепила какого-то дядьку-режиссера, – нехотя выдавил мальчик из себя. – И он несколько раз встречал ее после школы...

– И что? – подтолкнул его Иннокентий.

– А ничего! Мозги ей запудрил! – Роби опять воинственно распетушился. – Она ходила такая важная, как королева. Говорила, что скоро начнет сниматься в Голливуде и будет ездить по всему миру, и... В общем, «фу-ты ну-ты ножки гнуты» – не подходите к ней. Дура!

Он опять безнадежно махнул рукой и, неумело скрывая обиду, добавил тоном бывшего мужчины:

– Ну, вы знаете этих женщин...

Мы с трудом удержали улыбки.

– Похоже, ты очень не любишь этого режиссера. Чем он так провинился перед тобой? – Дуглас со знанием дела продолжал добывать информацию.

– Ха, не люблю... Это мягко сказано! Он же реально замочил того мужика, который жил в этом доме!

Тут мы перестали дышать. Полицейские, стоявшие за нашей спиной, даже придвинулись, чтобы лучше рассмотреть мальчика.

Но он тут же осекся. Опустил голову, нахохлился и стал внимательно разглядывать носок своего правого ботинка, при этом усиленно ковыряя им пол. Видно было, что он сильно волновался.

Кто-то осторожно спросил:

– Роби, ты...это... сам видел?

– Ничего я не видел... такого... – неуклюже попытался он увильнуть...

Мальчика было жаль. Дуглас смотрел на него внимательным долгим взглядом, потом подошел и присел перед ним на корточки, так что их глаза были напротив друг друга. Он взял его замурзанную ручонку, спрятал ее в своих огромных ладонях и сказал:

– Роби, пойми! Если этот человек – убийца, то он же может причинить зло и Марайе. Она же ничего не знает.

Глаза мальчика на секунду остановились и испуганно расширились. Он все понял.

– Да, я видел... – быстро залепетал он. – Я собирался уже ложиться спать, вдруг слышу – к дому машина подъехала. Я тихонько выглянул вниз... – Роби показал на маленькое слуховое окошко на чердаке. – Я очень испугался, думал они придут сюда и прогонят меня... А я не хочу больше спать на улице... Я устал... Там холодно, страшно...

Дуглас легонько сжал руку мальчика.

– Хорошо, Роби, что было дальше? – направил он его в нужное русло.

– Их было несколько человек и один из них – этот... режиссер... Потом... – парнишка от волнения замолчал.

– Роби, ну? – подступил к нему Иннокентий.

Силы ребенка были на пределе, и он расплакался.

– Я н-не знаю... Какой-то грохот, крики... – залепетал он, хлюпая носом. – Потом дядька, который здесь жил, как закричи-и-т – так страшно! А потом захрипел и...все... П-потом машина уехала...

– А ты что? – спросил Дуглас, обняв мальчишку, чтобы унять его дрожь.

Роби размазывал слезы по лицу, из него вырывались судорожные вздохи. Но самое трудное было уже сделано, он, наконец, освободился от своей непосильной страшной тайны, с которой долгое время был один на один.

– А мне было та-а-к страшно, что я не знал, где спрятаться.

Все молчали, сочувственно глядя на мальчика. Потом Дуглас тихо спросил его:

– Почему же ты не убежал отсюда?

Роби взглянул на него обреченно, как затравленный зверек.

– Я хотел. А вдруг бы они увидели меня и погнались, чтобы прикончить, как свидетеля?! – он вскинул на Дугласа глаза, полные боли и ужаса.

Ответить на это Дугласу было нечем, уж он-то знал, что так могло произойти, и он устал в пол.

– И я запрятался в сундук, – сказал Роби и шмыгнул носом. – Дышать там тяжело, зато безопасно, и теплее, чем бегать на улице... А потом приехали вы.

«Бедолага, сколько же тебе пришлось пережить! – с состраданием подумал я. Сердце мальчишки лихорадочно билось, так что его острый подбородок судорожно вздрагивал. Еще много раз он будет с ужасом вскакивать по ночам, видя во сне продолжение той жуткой яви».

– Роби, – очень серьезно спросил Дуглас, – ты хочешь помочь своей сестре? Ты боишься за нее?

– Да! – ни секунды не сомневаясь, воскликнул мальчик. – Я очень хочу ей помочь!

– Если ты хочешь ей помочь, – озабоченно продолжил Дуглас, – мы все должны как можно скорее к ней поехать и поговорить. Я серьезно опасаюсь, что мы можем опоздать.

От этих слов наш чумазый найденыш вскочил с сундука, схватил Дугласа за рукав и стал судорожно тереть его, захлебываясь в собственных словах:

– Я не хочу, чтобы Марайя погибла! Я не смогу без нее жить... Ведь я больше никому не нужен! Никто меня не любит! И кто мне будет давать конфеты? – причитал Роби. – Поехали, поехали! – торопил он.

– Куда? – спросили мы, чуть ли не хором.

Роби без запинки назвал свой адрес, и через минуту мы были уже в машине.

Дом, к которому мы вскоре подъехали, находился совсем недалеко от места, где скрывался наш маленький беглец, и оказался не просто домом, а добротным, красивым особняком, вызвавшим у нас изумление. Здесь все производило впечатление покоя, благополучия и достатка. Зачем же было бежать отсюда?

«Да, – подумал я, – как же бывает непонятна и непредсказуема детская душа! Маленький ребенок бросил вызов семье – отверг тепло, уют, обеспеченность, скитался как бродяжка, подвергал жизнь опасностям и все это только для того, чтобы доказать свою правоту!»

Дуглас несколько раз позвонил в массивную дубовую дверь. На пороге появилась заплаканная женщина, в ее глазах была какая-то вселенская тоска. Она отрешенно оглядела нас и, вероятно, собиралась спросить о цели нашего визита. Но тут ее взгляд споткнулся о маленькую фигурку Роби, неуклюже завернутую в старый плед, найденный нами в полицейской машине. Женщина тихонько охнула, ее ноги подкосились, она с трудом схватилась за косяк двери и

стала медленно и безмолвно сползать вниз. Мы даже не сразу сообразили, что у нее обморок, а когда поняли, то бестолково засуетились вокруг нее, пытаясь привести в чувство.

На шум выбежала стройная красивая девушка, должно быть, дочь этой женщины. Увидев мальчика, она тоже остолбенела сначала, а потом выдохнула еле слышно:

– Роби... – и сжала его в объятиях.

Мы с любопытством наблюдали трогательную сцену воссоединения семьи – все плакали, обнявшись: сначала это были Роби с сестрой, затем к ним присоединилась пришедшая в сознание мать Роби... Но, оказывается, семья была еще не в полном составе, потому что распахнулась дверь дальней угловой комнаты и появился еще мужчина с младенцем на руках, торопливо спешащий к рыдающей скульптурной группе.

Он своей свободной рукой обнял все семейство, сбив его в тесную кучу. Теперь плакали уже все, и самой громкой оказалась грудная малышка Дороти, она заглушала всех. Вскоре ее плач превратился в надрывный истошный визг, и тогда мать спохватилась – взяла младенца на руки и стала успокаивать:

– Дороти, смотри, детка, это наш Роберт, он вернулся, и теперь мы снова все вместе, – она поцеловала малышку, которая тут же, вероятно, поняв счастливое состояние матери, затихла.

Женщина – вся вмиг преобразившаяся, счастливая и просветленная – подошла к Дугласу.

– Не знаю даже, как благодарить вас... – она с чувством, по очереди обняла и перецеловала каждого из нас. – Вы не представляете, что мы пережили! Я готова была бросить все... и искать... искать его по всему Лос-Анджелесу!

– Роби, – она опять прижала голову мальчика к себе, – Роби, как ты мог... Ты же часть нас... Куда ты пропал? – она не укоряла его, а говорила мягко, с любовью в голосе.

Мальчик не мог ничего отвечать. Уткнувшись матери в бок, он совсем откровенно по-детски ревел. Сказалось нервное перенапряжение, и сейчас вместе со слезами из него выходил весь кошмар пережитого – бесприютность скитаний, одиночество и тоскливое чувство незащищенности. А главное – ужас преступления, нечаянным свидетелем которого он стал.

Нам пришлось довольно долго ждать, пока страсти немного улягутся, а потом выслушивать слова благодарности от всех членов семьи по очереди, и особенно Джона, главы семейства. Он тряс нам руки и восхищался каждым из нас в отдельности, и американской полицией в целом, и президентом, и американскими законами, и...

Я подумал, что сейчас он в порыве благодарности, наверное, попросит принять его в ряды добровольных помощников полиции. Было немного странно, что возвращение пасынка вызвало в нем не просто обыкновенную, такую понятную всем, человеческую радость, а еще и столь бурный приток патриотических чувств. Хотя, если разобраться, благодарность граждан, находящихся под надежной защитой государства, всегда вызывает уважение к своей стране.

Наверное, в этом и есть секрет верноподданнических чувств американцев, их гипертрофированной любви к своему государству, президенту, флагу. Социальная защищенность – основа патриотизма. Почему в России не любят государственный флаг? Почему не любят собственную Родину? Потому, что наша жизнь полна социальной незащищенности и несправедливости. Устранив их, мы могли бы возродить и патриотизм.

Американцы любят свою страну не за ее героическое прошлое, как у нас, а за ее прекрасное настоящее. Вот почему они большие патриоты: они любят свою страну не за идею, а потому, что им очень уютно живется.

Но размышлять об американском патриотизме не было времени. Мы помнили, что над одним из членов семьи нависла реальная опасность, и нам предстояло защитить его.

Дуглас отозвал красавицу Марайю в сторону. Нам хотелось поговорить с ней наедине и не тревожить вновь и так взбаламученное семейство. Девушка немного удивилась нашему предложению, но безропотно последовала за нами. Мы усадили Марайю в полицейскую машину, решив не везти ее в участок, а побеседовать прямо здесь, на месте.

Она, действительно, была очень миленькой, симпатичной барышней и, на мой взгляд, вполне могла бы претендовать на какую-нибудь небольшую роль в кино. Все было при ней: и ладная фигурка, и красивое личико с миндалевидными овальными глазами. К тому же у нее был особый шарм – какая-то кошачья мягкость и грациозность.

Дуглас начал напрямик.

– Марайя, что за человек встречал тебя после учебы и приглашал сниматься в кино?

Тут же из приятной благожелательной девушки, мягкой мурлыкающей кошечки, Марайя превратилась в настоящую пантеру.

Она задрала вверх подбородок и вызывающе стрельнула на нас прищуренными глазами:

– Это моя личная жизнь, – сказала она тоном, каким обычно подросток разговаривает со своими родителями на тему, задевающую его суверенитет, – и я совершенно не желаю ни с кем ее обсуждать.

– Что ж, согласны, – парировал ее выпад Иннокентий, но тут же добавил: – Если бы не одна деталь: этот человек опасный преступник. Очень опасный... У нас есть сведение, что он убил человека, и мы подозреваем, что он может быть причастен к похищению и гибели тех девчонок, о которых сейчас трендят все каналы телевидения и все газеты. Ты понимаешь, какая опасность угрожает тебе?

Но Марайю не убедили наши слова, наверное, она подумала, что мы просто нагнетаем обстановку и давим на нее, как говорится, «берем на испуг», поэтому она неестественно громко рассмеялась, а потом, дурашливо закрыв лицо руками, изобразила панический страх, воскликнув:

– Ой, боюсь, боюсь! Спасите!

«Да, артистка...» – уныло подумал я.

Раскрасневшаяся от возмущения, оскорбленная до кончиков ногтей, Марайя уже запальчиво выговаривала нам:

– Знаете, я могу вам поверить в чем угодно, но не в этом. Мой знакомый очень милый, порядочный человек. Он хочет помочь мне сделать карьеру в кино, и все. Это что – возвращается?

Она стала учащенно дышать от негодования:

– Я совершенно уверена, что вы что-то путаете, он никого не убивал, и я не собираюсь сдавать его вам, потому что у вас, наверняка, висит какое-нибудь «дело» и просто срочно нужен «козел отпущения»!

«Дура! – молча разозлился я. – Прав был Роби: «фу-ты ну-ты ножки гнуты» – запудрили ей мозги, и теперь не подходите к ней».

– Девочка, успокойся, – невозмутимо посоветовал ей Дуглас. – И пойми – ты сильно рискуешь. Твой брат сам видел убийцу – твоего, так называемого, «режиссера». Хотя, – добавил он в раздумье, – вполне возможно, что Роби обознался... но мы все проверим.

– Да! – радостно ухватила девушка за эту зацепку. – Роби ошибся, и я не хочу больше об этом говорить.

Пока Кевин безуспешно пытался установить контакт с этой «кошечкой-пантерой», подыскивая новые аргументы, Иннокентий что-то быстро искал у себя в барсетке.

– Это все, что вы хотели у меня узнать? – надменно спросила Марайя. – Я свободна?

– Пожалуй, – неохотно согласился Дуглас. – Но предупреждаю, миссис: без сопровождения взрослых вы не должны покидать этот дом. Договорились?

«Миссис» презрительно фыркнула:

– Еще чего! – и уже потянулась было к ручке автомобильной дверцы, но в этот момент Иннокентий протянул ей фотографию, которую дала нам экономка покойного мистера Нельсена. На ней был двойник Григория, собственной персоной, идущий «под ручку» с Лаймой. Иннокентий приблизил фотографию к лицу Марайи:

– Мы тоже надеемся, что Роби ошибся, и это – не он?

Марайя испуганно отпрянула назад. Вся спесь мгновенно слетела с нее. Она дрожащей рукой взяла фотографию и некоторое время молчала.

– Да... Но как же... Откуда вы его знаете? – беспомощно лопотала она.

– Знаем, – коротко бросил Иннокентий. – А от вас, миссис, сейчас требуется официально подтвердить представителю закона, что именно этот человек приглашал вас в Голливуд. Ведь это так?

Он взглянул на Кевина, прося поддержать его.

Застывшая девушка напряженно-звонящим голосом подтвердила:

– Да, этот.

Мне показалось, что я ясно услышал, как хрустальным звоном в ее душе рухнули все ее звездные мечты. Она была совершенно разбита и безучастно глядела прямо перед собой. Перемена, произошедшая с ней, была разительной.

Дуглас перехватил инициативу:

– Марайя, а не приходил ли этот человек к вам в колледж, например, под видом психолога?

– Да, – безучастно ответила девушка.

– А могу я узнать, о чем он беседовал с учениками?

Девушка покраснела, опустила глаза.

– Он спрашивал у девушек, не вступали ли они в половую связь с мужчинами. Я прав? – помог ей Дуглас.

Марайя безмолвно кивнула головой.

Дуглас взглянул на нас с Иннокентием и подытожил:

– По-моему, все ясно.

Полицейский обратился к Марайе:

– Ты с ним договоришься о встрече? Когда?

Девушка заплетающимся языком поведала, что они должны встретиться послезавтра, в парке. Место встречи насторожило нас, и мы поняли, что не зря так торопились – очень похоже, что готовилось еще одно преступление.

Мы взяли с Марайи «честное слово», что до этого срока она не сделает ни шага из дома без сопровождения отца или матери, а если «режиссер» вдруг как-то неожиданно проявится, то она немедленно свяжется с нами.

А Дуглас строго добавил:

– Кроме того, мы установим постоянное наблюдение за твоим домом. И я еще раз настоятельно напоминаю – из дома одной не выходить!

– А... – протянула было Марайя, желая, вероятно, оговорить какое-то исключение, но Дуглас оборвал ее:

– Слушай детка, ты хочешь остаться живой?

Марайя подавленно кивнула.

– Вот и умница, – подобрел Дуглас, а сейчас запомни вон того парня, – он указал на молодого полицейского, который стоял около машины. – Он будет охранять тебя и твой дом. Ты уж постарайся, не подводи его. Идет?

– Да, сэр, – тихо ответила девушка.

– Если мы быстро перехватим ту сволочь, может, еще удастся спасти похищенных... – вскользь проговорил Дуглас, давая понять выходявшей из машины Марайе серьезность ситуации.

Личность на фотографии, сделанной Сэйрой, представлялась нам все более и более зловещей. Надо было как можно быстрее найти и обезвредить ее.

Мы вернулись в участок, и Иннокентий, не теряя ни минуты, стал сразу же звонить в Питер. Как я понял, он разговаривал с моим старым знакомым, всеильным дядей Лешей, который в это время в России усиленно собирал сведения о родном брате Григория.

Ему удалось узнать, что сам Григорий родился в одном из лучших роддомов Ленинграда. У его матери была какая-то серьезная патология беременности, именно поэтому она оказалась в хорошей клинике, а не в затрапезной районной больнице. Ребенок появился на свет хиленький, и то благодаря «кесареву сечению». Мать тоже была крайне слаба и долго витала между жизнью и смертью. Никаких сведений о близнецах, родных братьях или двойниках Григория обнаружено в роддоме не было.

Иннокентий поинтересовался, можно ли найти врача, который принимал у нее роды? Дядя Леша доложил, что уже поинтересовались, но и тут прокол. Этот человек – Воровода Муза Пафнутьевна – скончалась десять дней назад. Других свидетелей рождения Григория, спустя столько лет, пока найти не удалось. Но ищут.

– Что ж, будем ждать, – невесело смирился Иннокентий, закончив пересказ своего разговора с дядей Лешей.

«Воровода... Воровода... – навязчиво крутилось у меня в голове, – что-то знакомое... Муза Пафнутьевна...»

И тут меня осенило. Я стукнул себя по лбу и даже подскочил на стуле от избытка чувств.

– Черт! Я же знаю ее! Это же тетя Муся! – вскрикнул я. – Иннокентий, срочно звоним ее дочке. А вдруг она что-нибудь нам подкинет?

Но Иннокентий вяло отреагировал на мой энтузиазм. Он безнадежно махнул рукой:

– Толку-то: человек умер. Хотя попробуй, чем черт не шутит...

Я набрал номер, и на другом конце провода услышал знакомый Женин голос. Был он заплаканный, хрипловатый; по-видимому, она еще не отошла от свалившегося на нее горя. Мы с Женей тепло поговорили. Причиной смерти тети Муси было ее больное сердце...

Я находился в некотором замешательстве: в разговоре с Женей сейчас мне было неловко переходить на «деловую» тему, но сделать это было необходимо. Неожиданно Женя сама помогла мне:

– Спасибо, что позвонил. Может у тебя какое-то дело?

Я заволновался.

– Честно говоря, да. Слушай, тетя Муся ничего после себя не оставила? – задал я довольно нелепый вопрос.

Женя помолчала немного и уточнила:

– Ты имеешь в виду деньги? – и продолжила: – Как ни странно, денег у нее оказалось больше, чем можно было предположить...

– Нет, Женя, – торопливо, словно извиняясь за свою бестактность, перебил ее я, – меня интересует, не остались ли у нее какие-нибудь записки, воспоминания... или что-то в этом роде.

– Есть одно письмо – без адреса. Она оставила его человеку со странной фамилией – Ачамахес. Но где же я найду этого Ачамахеса?

«Вот оно! Везение, удача, судьба – не знаю, как это назвать... один шанс из тысячи...» Я мгновенно вспотел, но, сдерживая радость, сказал как можно спокойнее:

– Я его хорошо знаю!

Теперь пришла очередь удивиться и обрадоваться Жене – она охнула:

– Господи! Ведь это последняя воля мамы. Ты поможешь мне переслать это письмо?

– Конечно, – как замороженный отвечал я. – Только я сейчас нахожусь в Америке. Может, ты передашь его через моих знакомых, а уж они доставят его мне?

Женщина замялась:

– Честно говоря, я бы не хотела передавать его так... через третьи руки.

– Женя, этот Ачамахес находится сейчас тоже в Америке, рядом со мной. И мы еще долго здесь пробудем. Я думаю, что способ передачи письма, который я тебе предложил – самый быстрый и надежный, – постарался убедить ее я.

И проинструктировал:

– Слушай внимательно. К тебе придет мой друг, скажет, что «от Фаворского». Ты отдашь ему письмо. Если вдруг появятся какие-то сомнения – звони мне. Хорошо?

Я дал ей номер своего телефона и заверил:

– И не беспокойся – скоро письмо будет у Ачамахеса.

– Ладно. Я жду твоего человека, – согласилась Женя.

Глава вторая. Григорий.

После ухода моего надзирателя я еще долго сидел в оцепенении. Из этого состояния меня вывело чье-то легкое прикосновение – от неожиданности я вздрогнул. Высунувшись из-под кровати, на меня с робкой улыбкой смотрело девичье лицо. Я улыбнулся в ответ и приложил палец к губам.

– Тихо, – прошептал я, – вылезай.

Девушка выбралась из своего убежища.

– Привет, – сказал я ей очень тихо, опасаясь, чтобы нас никто не услышал. – Как тебя зовут?

Девушка пододвинулась поближе и представилась:

– Сьюзен. Меня зовут Сьюзен Хоуп.

Она пытливым взглядом разглядывала меня.

– А вы не американец, – с неожиданной проницательностью заметила она.

– Угадала. Я из России, – опять улыбнулся я.

– О, Россия! – ее глаза оживленно округлились. – Нам говорили в школе... Это очень далеко. Там холодно, много снега и медведи на улицах, – вывалила она на меня весь ворох своих «глубоких» знаний о России.

От такой нелепости я даже поперхнулся.

«Как же так получается, что в наше время, в такой цивилизованной стране, как Америка, дети в школах получают такие дикие знания? Ладно еще, если бы она была из племени мумба-юмба с дебрей Амазонки... Впрочем, скорее всего, это привычный высокомерный взгляд американцев на весь остальной мир с высоты их небоскребов...»

– А еще там любят играть на таком маленьком банджо, которое называется... – она запнулась и проговорила по слогам: – ба-ба-лай-ка.

– Балалайка, – поправил я, еле сдерживая смех. Но заниматься просветительской деятельностью сейчас было не время.

– Сьюзен, – сказал я шепотом, – если мы выберемся отсюда, я тебя обязательно приглашу к себе на родину, и ты сама увидишь пушистых мишек на наших улицах, и мы будем кормить их с рук.

Сьюзен идея понравилась.

– Здорово! А они не кусаются? – спросила она опасливо.

– Нет... У меня прямо дома живет один старый толстый медведь. Обычно он приносит мне тапочки для отдыха после работы, а когда смотрю телевизор – кладет голову мне на колени, – я будто рассказывал ей и себе сказку, стараясь хоть на минуту отвлечься от гнетущей реальности.

– Я тоже хотела бы завести доброго, воспитанного такого медведя, а то у нас все собаки, кошки... никакой оригинальности, – вздохнула Сьюзен.

– Я тебе подарю одного, – сказал я, – но для этого надо попытаться выбраться отсюда.

Сьюзен осторожно, на цыпочках подошла к окну.

– Нет, отсюда нам не выпрыгнуть, – она грустно покачала головой, – высоко.

Я не мог с ней не согласиться. С высоты двенадцатого или тринадцатого этажа, где мы находились, можно было прыгнуть только на тот свет. Возможность сбежать через дверь оставалась единственной, но казалась мне еще менее реальной.

Я стал успокаивать девушку, а, скорее, самого себя:

– Сьюзен, не бойся. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Но Сьюзен как бы и не проявляла особого беспокойства по этому поводу. Я подумал с грустью, что эта девчушка так хорошо держится, потому что не догадывается, для чего ее

привезли в это учреждение. Вот уж поистине психология юности – жизнь кажется бесконечной, и все беды, несчастья случаются только в романах, кино, у кого-то, но только не у меня... А впрочем, может это и хорошо.

– Ты давно здесь? – спросил я ее.

– Не-а, меня вчера приволокли сюда какие-то гады.

– А как ты к ним попала?

– Я сама не поняла. Короче, один мой знакомый-режиссер посоветовал мне обязательно сняться в кино, потому что у меня талант и внешность, и все такое... Правда, я красивая? – обратилась она ко мне с вопросом, предполагающим только положительный ответ.

– Ну, ничего... – выдавил из себя я.

– Вот-вот. Я тоже думаю, что я совсем даже ничего, – удовлетворенно подтвердила она мой скупой комплимент, и продолжила уже сердито:

– Мы с ним встретились, чтобы договориться о кинопробах. Но в его машине меня скрутили, завязали глаза, и больше я ничего не помню. Очнулась уже здесь.

Она хитро сузила глазки:

– Но я обманула охранников – не показала виду, что пришла в сознание, и эти гады думали, что я сплю. Когда они вышли, я тихонько выбралась в коридор и юркнула в первую же открытую дверь, и очутилась у тебя. А как тебя зовут? – наконец-то задала она вопрос, с которого я начал наше знакомство.

– Грег, – представился я.

– Интересно... В России имена такие же, как в Америке, – удивилась она.

– Не совсем. Вообще-то меня зовут Григорий. Это «Грег» по-английски.

– Интересно... А как будет по-русски Сюзен?

– Черт его знает... – задумался я. – Нюся, наверное, – неуверенно предположил я, припомнив какое-то созвучное имя маминой приятельницы.

Но девушке понравилось.

– Нюся! – она вся засветилась радостью.

«По-моему, девочка совершенно утратила чувство опасности, – подумал я. – Но, может, это и к лучшему. По крайней мере, если нам придется погибнуть, последние часы она проведет в относительном спокойствии».

В это время в коридоре послышались чьи-то неторопливые шаги. Сердце мое неприятно сжалось, я уже знал, что идут по мою душу...

– Сюзен, под кровать! – скомандовал я, а сам прыгнул на одеяло и уселся в невинной «позе лотоса», делая вид, что медитирую.

Я был прав. Дверь распахнулась, и на пороге появился мой так называемый «учитель», на его губах змеилась уже такая знакомая мне зловещая улыбка.

Он зорко взглянул на меня и спросил почти по-приятельски:

– Как дела, Грег?

– Дела как сажа бела. Размышляю, – ответил я, напряженно следя за ним.

– Размышлять в твоём положении – это полезно.

Голос этого субъекта был каким-то липким, ласково-проникновенным и, казалось, влезал в самую душу и парализовал ее.

– Ты умный человек. Чем больше ты будешь размышлять, тем быстрее поймешь, что ты – один из нас.

Каждая клеточка моего существа запротестовала против этих слов, но я попытался скрыть свои подлинные чувства, и подыграл ему:

– Я размышляю и об этом тоже.

– Приглашаю поразмышлять вместе. Только уговор – быть честным и искренним перед собой. Тогда тебе откроются многие скрытые истины, и, может быть, ты изменишь свой взгляд на мир. Ты думаешь, что я дьявол?

Он вонзил в меня свой острый взгляд.

– Я не дьявол, – успокоил он меня.

Он неторопливо мерил комнату уверенными шагами, из угла в угол.

– Но хочу попытаться защитить его. Не возражаешь? – остановился он передо мной.

Я не возражал. Надо было как-нибудь тянуть время.

– Итак, давай-ка начнем с примера. С твоей жизни, – обратился ко мне мой тюремщик.

– Ты о чем? – не понял я.

– Подумай, сколько ты в жизни сделал добра и сколько зла?

Вопросик был не из легких. Похоже, он приглашал меня к себе на исповедь. Я мысленно разозлился: «Тоже мне святой отец... проповедник чертов!»

– А ты не сердись, – предупредил он, оказавшись хорошим психологом, – я предлагаю заново пролистать твой жизненный путь, как книгу, и поразмышлять над ней для твоей же пользы. Начнем?

– Да, – процедил я, не зная, как иначе, кроме согласия, от него отделаться.

– Вот, например, о твоей матери? Любил ли ты ее, заботился ли о ней?

Я задумался, и честно признался:

– Скорее, я был плохим сыном.

Мои слова порадовали собеседника. Но я тут же попытался немного оправдаться, радостно припомнив некоторые положительные детали своего поведения.

– Но я всегда ходил в магазин за картошкой, когда она просила... И старался делать все, что она просила... – как-то неубедительно обобщил я.

– А если не просила? – подковырнул меня мой мучитель. – Что ты еще можешь вспомнить хорошего, что сделал для матери?

К своему ужасу, больше ничего хорошего за собой я припомнить не смог.

– А как здоровье твоей матери?

– Вроде бы ничего... – опять неуверенно протянул я.

– Вроде бы ничего... – эхом отозвался его голос, и звучал он издевательски. – А ты знаешь, что у нее большое сердце и что ей предстоит операция?

– Нет, – испугался я. – А ты откуда знаешь?

– Я знаю очень и очень многое, но сейчас мы говорим о тебе, а не обо мне. Итак, подводим первый итог – сыном ты был неважным, а ведь одна из заповедей твоего Бога гласит: «Почитай отца и мать...»

Он притворно вздохнул, «жалея» меня, грешного.

– А теперь поговорим о твоей бывшей жене. Как у нее дела?

– А черт ее знает, – равнодушно бросил я.

– Черт-то знает! – засмеялся мой собеседник. – А вот ты – нет. А она – мыкается сейчас одна, без работы, без средств к существованию...

Я возмущенно прервал его:

– Нет, уж это меня никак не касается!

– Касается, касается, – уверенно возразил он. – Ибо если ты считаешь себя христианином, то женившись, ты поклялся перед Богом, что отвечаешь за дальнейшую судьбу своей второй половины. А ты просто вышвырнул ее, как надоевший предмет.

– Но с ней невозможно было жить! С ее-то характером...

– Дело не в ее характере, а в твоей безответственности. В вашем христианском учении сказано, что муж является воспитателем жены своей. Ты пытался ли что-то сделать в этом духе? Нет!

Я молчал. Если вспомнить историю моего развода, то первое, чем я тогда руководствовался, было острое чувство антипатии к моей бывшей жене и жгучее желание поскорее расстаться с ней.

– Итак, итог номер два – ты стремился только к своей свободе, думал только о себе, а не о судьбе этой женщины. А как насчет вашего христианского правила «Возлюби ближнего своего, как самого себя»? А?

Он, похоже, читал мои мысли, как в открытой книге.

– Идем дальше...

– Я устал, – угрюмо буркнул я.

– Устал? – он пронзил меня испытующим взглядом. – Я думаю, дело не в усталости, а в страхе взглянуть на себя трезво. Ты боишься правды. Ты боишься того, что чем больше ты разглядываешь и анализируешь свои прожитые годы, тем больше понимаешь, насколько ты близок к тому, что так упорно пытаешься отвергать.

Он помолчал, готовясь, по-видимому, к новой атаке.

– Давай-ка поговорим еще о Милочке, кажется, так ты называешь свою подружку?

– Про Милочку я все понял сам, не надо! – взмолился я.

– И это тебе неприятно. Но мы договорились объясняться начистоту. Будь любезен, ответь, почему ты, не любя эту девушку, так охотно пользовался ею? Ты нарушил еще одну божественную заповедь – «не прелюбодействуй», что означает – не будь близок с нелюбимым человеком. Ты же мучил ее и, самое главное, знал это! – он победно поднял вверх указательный палец. – Но ты предпочитал не думать о неприятном, не так ли?

Никакого возражения с моей стороны не последовало, и этот иезуит продолжал терзать меня:

– Потому что у тебя на первом месте всегда только одна мысль, одна цель, одна забота...

Я изобразил немой вопрос.

– Ты сам – любимый и обожаемый, собственной персоной. Твое «я», твой махровый эгоизм, – он безжалостно хлестал меня этими словами, и это было больно, потому что было правдой.

– Так что скинь свои ложные белые одежды, больше они никого не введут в заблуждение. Ты наш человек с головы до ног, – уверенно подвел он все под общий знаменатель.

Усевшись в кресло и закинув ногу на ногу, он, не без оснований, чувствовал себя победителем. И снисходительно посматривал на меня, напоминая доброго дядюшку перед своим несмышленным племянником, которому он подарил приличную сумму денег.

Он не только не проявлял ко мне никакой враждебности, а наоборот, был даже благосклонен. По-видимому, я, поверженный, доставлял ему огромное удовлетворение. И чем больше я понимал причину его благодушия, тем омерзительнее становился самому себе.

– А боишься ли ты смерти? – вдруг полюбопытствовал он, играя со мной, как кошка с мышью. И сам же ответил: – Боишься. И совершенно напрасно, ведь смерть – это извечное возвращение человека к своему началу.

Он опять внимательно посмотрел на меня:

– Однако пред тем, как вернуться к этому началу, приходится преодолевать страшную огненную реку, текущую между двух миров. И вот там-то и творится Страшный суд. Каждая попавшая туда душа взвешивается на Весах Правды и после этого попадает либо в чистилище, либо в вечный рай.

Он помолчал, ожидая моих ответных реплик. Но я уже практически не мог сопротивляться. Я был морально уничтожен им и не ощущал ничего, кроме усталости и огромного желания поскорее избавиться от этого вампира. Я лишь покорно смотрел на него и ждал, когда это все закончится.

– Представь, – садистски слащавым голосом продолжал мой палач, – на одной чаше весов – твои добрые дела, – он развернул руки ладонями вверх, изображая ими воображаемые чаши весов, – на другой ... – он сделал паузу и понимающе посмотрел на меня. – Как ты думаешь, что перевесит? – он сладострастно улыбался.

Я попробовал робко возразить:

– По-моему, я не так уж много наделал зла на этом свете.

– Может быть, – снисходительно согласился со мной духовник, – но много ли ты успел сделать добра? Вот в чем вопрос. Я перечислил твои неблагоприятные дела, теперь послушаем тебя – давай, предъяви-ка свои добродетели.

Кисло усмехнувшись, я задумался про себя: «Что же мне, действительно, бросить на чашу добра? Есть ли у меня за душой этот спасительный противовес?»

Тюремщик просто наслаждался моим молчанием. Затем, не дождавшись ответа, продолжил свою «проповедь»:

– На ваших христианских картинах на тему Страшного суда можно видеть, что, когда человек предстоит перед этим самым судом и взвешивается на Весах Правды, рядом обязательно присутствует какая-то добрая сила. Это либо Дева Мария, либо ангел, которые слегка смещают чаши, чтобы помочь грешной, но верующей душе войти в царствие Божие. Да... – протянул он иронически и опять просверлил меня взглядом. – А теперь признайся, насколько велика сила твоей веры в Бога, чтобы Он закрыл глаза на некоторые твои грехи.

Мой исповедник вновь был прав. Я никогда серьезно не верил в Бога, поэтому не мог надеяться на Его снисходительность. Я не хотел больше врать ни себе, ни... Кому?

– Вот и сейчас, – услышал я тюремщика, – ты пытаешься совершить доброе дело, но ничего у тебя не получается. Может, ты думаешь, что ты, грешник, сможешь окупить свои неблагоприятные поступки одним махом, как евангельский разбойник, который за правильное поведение на кресте попал в рай?

– Ты о чем? – устало спросил я.

Он по-отечески пожурил меня:

– А кого ты скрываешь у себя под кроватью?

Это было последней каплей. Моей усталости – как не бывало, все мои эмоции – растерянность, страх, стыд – пестрым калейдоскопом вспыхнули и молнией пронеслись в моем сознании. Каждым своим новым доводом мой мучитель сжимал, оборот за оборотом, пружину моего терпения. Но запас моих психических сил был не беспределен и пружина, взведенная до отказа, выстрелила.

Как дикий зверь я бросился на этого ненавистного мне человека, повалил его на пол, вцепился в горло и стал душить. Но вдруг руки мои ослабли, потому что он судорожно... засмеялся. Не боролся, не звал на помощь, он – смеялся!

Затем, одним движением он легко отшвырнул меня в угол комнаты. Встал, оправился и, как ни в чем ни бывало, даже как-то весело спросил:

– Это и все твои доводы?

«Господи! – взмолился я, наверное, впервые в жизни, по-настоящему. – Куда же я попал? Кто этот человек? Дай мне силы! Помог!»

Но мне все же стало неловко за свое поведение, и я нехотя проговорил:

– Я сорвался... Но откуда ты узнал про девушку? Ты так проницателен... и силен...

Мой противник совсем не сердился на меня. Он вновь опустился в кресло, уютно устроился там, и опять залился каким-то сатанинским смехом:

– Друг мой, поздравляю! За нашу столь короткую беседу ты прошел еще три круга ада. Сначала круг шестой – распределение грешников в аду, – здесь ты добровольно подыскал себе подходящее место. В седьмом круге ада – обитают насильники над людьми и их достоянием: не ты ли кинулся сейчас на меня, аки хищный зверь? А в восьмом круге – находятся лстецы: не

сумев меня победить, кто мне начал говорить комплименты о моей проницательности и силе, не ты ли, милый льстец?.. Теперь ты видишь, насколько мы с тобой сродни. И вот перед тобой – финишная прямая: остался всего лишь один, последний круг, и тогда – ты наш!

Он легко встал и направился к выходу. Но на пороге обернулся и глубокомысленно изрек:

– Обрати внимание – я не закрываю за собой дверь. Но оставляю решетку. Пока.

Он опять отвратительно захохотал и, наконец–то, ушел.

А я с ужасом наблюдал, как в дверном проеме, нашем единственно возможном пути к спасению, медленно опускается решетка, давя, как яичную скорлупу, все надежды нашего освобождения.

Я оказался запертым, вместе с девушкой, укрытие которой было рассекречено.

Сьюзен выползла из под кровати.

– О чем это вы говорили так долго? Похоже, вы с ним друзья.

– Ты очень ошибаешься, Сьюзен. Мы с ним – враги.

– Какие же? – заинтересовалась она.

– А такие: особенно лютые. Он в роли убийцы, я – в роли жертвы. Так, пожалуй, можно охарактеризовать наши взаимоотношения. И теперь нам с тобой отсюда не удрать.

При этих моих печальных словах девушка опять улыбнулась, но как-то хитренько:

– А вот в этом ты ошибаешься...

– Да? – безучастно спросил я.

– Пока ты тут болтал о всякой ерунде с этим придурком, я там, под кроватью, кое-что нашла. Иди сюда.

Она вновь шлепнулась на четвереньки около кровати, предлагая мне сделать то же самое.

Я покорно опустился на колени и без интереса заглянул под кровать.

– Смотри, видишь ящик? Пока ты там разводил «трали-вали» не пойми о чем, я сидела тут, и, пытаясь хоть что-то понять из вашего разговора, вдруг услышала совсем близко еще какие-то голоса. Я на всякий случай заглянула в этот ящик – и на тебе – там оказалось отверстие! Ишь, как замаскировали, но я-то все равно нашла! – похваливала она себя.

Я залез под кровать поглубже и, отодвинув ящик, похожий на вентилятор, действительно, обнаружил небольшое окно, ведущее в полутемную комнату. Я заглянул туда.

То, что я увидел, не прибавило мне оптимизма, но удивило и насторожило. Это было похоже на средневековый спектакль.

В слабо освещенной комнате, которая находилась прямо под нами, за столом, покрытым черным сукном, сидели люди, тоже одетые во все черное – как я успел заметить, любимый цвет в этом доме. Перед ними слабо мерцали свечи. Главным у них был дурковатого вида человек в некоем подобии сутаны, только на груди у него висел не традиционный крест, а какая-то страшная рожа. Он вещал что-то, благообразно сложив руки на толстом животе.

Прислушавшись к его речи, я даже заинтересовался, потому что говорил он не о чем-нибудь, а об оживлении мертвых. При этом он уверенно сыпал цифрами, датами, историческими фактами. То есть был основательно подкован в этом вопросе.

Сначала он рассказывал о случаях оживления Лазаря и сына вдовицы Сарептской. И, как я понял, своей истовой речью он старался убедить аудиторию, что люди способны вернуться из мира усопших в мир живых. Он утверждал, что умерший человек может восстать из могилы. Для примера он привел даже легенду, которая была описана Иаковом Варачинским, доминиканским монахом.

Эта была история о том, как одна женщина передала александрийскому патриарху Иоанну Милостивому письмо с описанием совершенного ею греха. Но патриарх умер, не успев выполнить ее просьбу: отпустить грех. Тогда женщина, ища справедливости, пришла на его могилу и потребовала закончить исповедь, как полагается. И патриарх восстал из могилы, и сказал, что «твой грех искуплен моими заслугами, поэтому такового нет».

Далее «профессор», блистая своей эрудицией, поведал о случае, описанном в 1801 году доктором Иоганном Йеллизоном в Петербурге, о том, как умерший открыл глаза при одевании. Не миновал он и участи Гоголя.

Люди за столом слушали его паранойю с болезненным вниманием, и глаза их все более и более разгорались от восторга.

Вскоре лектор от теории перешел к практике.

– Перед вами – труп умершего, – указал он в сторону, где на столе лежало тело, покрытое белой простыней. – Если мы с вами, возлюбленные друзья мои, помолимся, как следует, и совершим правильный обряд, то мы увидим, какая могущественная сила находится на нашей стороне.

К моему удивлению, происходившее внизу действие полностью захватило и Сьюзен. Она, открыв рот, зачарованно наблюдала за этим представлением так же, как и паства, находившаяся в состоянии, близком к трансу. Я подумал, что этим мистическим настроением вполне можно воспользоваться. Даже если вероятность успеха не более одного процента – это хотя бы какой-то шанс на спасение. Терять нам всё равно было нечего. Я ещё раз взглянул на эту странную публику. Люди, действительно, были похожи на загипнотизированных. По моим представлениям, нормальный человек не станет в экстазе воздевать руки к небу, выкрикивая непонятные фразы, приплясывать и жечь какие-то коренья, от которых исходит отвратительный запах.

Неожиданно мне пришло в голову, что в этих-то кореньях и кроется причина их странного поведения. Я знал, что некоторые растения имеют свойство при сгорании выделять ароматы, обладающие наркотическим действием. Люди могли быть просто одурманены наркотиком! Если моя догадка верна, то наши шансы на успех резко повышались.

Я скомандовал Сьюзен:

– Раздевайся, быстро!

Она, с трудом оторвавшись от околдовавшего её зрелища, подняла на меня удивлённые глаза:

– О чём ты?! – в её голосе звучало возмущение. – Ни за что!

Объясняться с упрямой девчонкой не было времени, поэтому, придав своему голосу ещё больше строгости, я повторил приказ:

– Сейчас не время спорить! Делай, что сказано! Снимай джинсы!

– Ты не понимаешь! Я не могу! Я ещё девственница! – продолжала она упорствовать.

Её глупые подозрения вывели меня из себя, и я зашипел:

– Да мне безразлично, кто ты! Хоть Дева Мария! Делай, как я! – с этими словами я начал быстро раздеваться.

Видимо, я уже забыл, как устроена психология юных девушек, которым с детства внушается страх перед потерей девственности и всё такое, потому что мои действия не только не побудили Сьюзен последовать моему примеру, но и произвели неожиданный в моих глазах эффект. Она вдруг отстранилась, прикрыла грудь руками и стала на колени в позу Святой Магдалины, завывая:

– Умоляю тебя, сэр! Не лишай меня невинности! Если мы выберемся отсюда, мои родители дадут тебе столько денег, сколько пожелаешь, только не трогай меня! – в её глазах был уже неподдельный испуг.

– На черта мне твоя невинность?! – разозлился я. – Только её для полного счастья мне сейчас и не хватает! Ты просила помочь тебе – я пытаюсь! Так не мешай мне и слушайся. Давай, живо снимай одежду и укройся простыней.

Сьюзен, всё ещё недоверчиво глядя на меня, начала робко раздеваться. К этому времени я уже разоблачился и, сорвав с кровати пододеяльник, завернулся в него. Не знаю, на кого я стал похож, но, видимо, мой облик произвёл на Сьюзен благоприятное впечатление, потому

что она, осмелев, тоже быстро скинула оставшуюся одежду и завернулась в простыню, как в греческую тунику.

– Так, теперь нужно закрыть волосы, – сказал я, и оглядел комнату в поисках подходящей маскировки. К счастью, на кровати оставалось ещё две наволочки, которые мы и натянули на головы.

– Теперь отлично! – удовлетворённо заключил я, придирчиво оглядывая себя и Сьюзен. – Можно начинать.

Мне предстояло осуществить довольно сложную задачу, поэтому нужно было успокоить Сьюзен и добиться от неё полного доверия:

– Девочка моя, – я постарался вложить в свой голос максимум мягкости и убедительности, – послушай меня внимательно. Это наш единственный шанс на спасение. Сейчас я возьму тебя за руку, а ты, в свою очередь, ни при каких обстоятельствах не выпускай мою. Держись крепко и, что бы ни случилось, умоляю тебя – не кричи и не дёргайся. Доверься мне, – я погладил её по голове, взял за руку и заглянул в глаза. Сьюзен покорно кивнула, давая мне понять, что я могу на неё положиться.

Наступил самый ответственный момент. Я крепко сжал её руку и стал медленно просачиваться через окно в полу. Я всегда отличался тщедушным телосложением, поэтому мне легко удалось протиснуться в небольшое отверстие. Вслед за мной пролезла и Сьюзен.

Удивлёнными, широко раскрытыми глазами она смотрела на меня, как на величайшего чародея и фокусника. Подозреваю, что в тот момент я был для нее даже выше Дэвида Копперфильда. И было отчего! Происходило то, чего она даже не могла предположить: вместо того, чтобы элементарно грохнуться с потолка на толпу, сидевшую в зале, мы, вопреки всем физическим законам, медленно парили над ней. Я крепко держал Сьюзен, и вместе мы произвели на ожидавшую чуда публику нужное впечатление. Одна из молящихся подняла глаза к небу и, увидев наши парящие под потолком бранные тела в развевающихся белых одеждах, истерично взвизгнула и рухнула в обморок. Её примеру последовали и остальные.

Глава третья. Стас.

Мой знакомый из Питера, которому я поручил посетить дом покойной тётки Муси, довольно быстро исполнил мою просьбу, поскольку был мне обязан. Передо мной лежал факс с текстом обращённого к Григорию письма. Вот что писала в нём Муза Пафнутьевна:

«Дорогой Гриша! Я чувствую, что дни мои на исходе. Я не могу уйти, не облегчив душу, не признавшись тебе в страшном грехе, который тяготил меня всю жизнь, а теперь не даёт спокойно проститься с миром. Твой отец умер, твоя мама слаба здоровьем. Я всем сердцем желаю твоей маме долгой жизни, но, к сожалению, все мы смертны, и наступит день, когда ты останешься один. Я знаю, как это тяжело, когда во всем мире нет ни одного родного человека, когда не к кому прислониться, не с кем разделить радость и вместе пережить горе. И в этом виновата я, сынок! Мне сложно писать, мысли путаются, но постараюсь рассказать всё по порядку.

Много лет назад взяла я тяжкий грех на свою душу. Я работала акушеркой в одном родильном доме. Может быть, ты знаешь о том, что есть люди, готовые усыновить брошенных детей, но так, чтобы это нигде официально не оформлялось. Такие люди покупают ребёнка прямо в родильном доме. Иногда они действуют через персонал. Как ты понимаешь, это незаконно, поэтому стоит очень больших денег. И вот, когда одна богатая грузинская семья обратилась ко мне за помощью, я не устояла перед искушением. Им нужен был ребёнок, подходивший по цвету глаз, волос и кожи. И тут, как на грех, Гришенька, привёл Господь твою маму в наш роддом рожать. Она была такая хрупкая, такая слабенькая! Роды были очень тяжёлыми, она кричала страшным криком. Мы даже думали, что не сможем её спасти. Решили сделать ей общий наркоз и кесарево сечение. Она, слава Богу, выжила и родила на свет двойню. Но, поскольку от наркоза она не отошла и не видела, что вас двое, мы со второй акушеркой, вступив в преступный сговор, одного малыша оставили ей, а второго продали бездетной семье. Если бы знала я тогда, как будет тягостен этот грех, каким валуном он ляжет на мою душу, ни за что бы не пошла на это! Но я была молода, глупа и измучена бедностью. Мы продали твоего родного братика грузинке по имени Манана Мгеладзе. Они с мужем давно мечтали о сыне, но несколько лет Бог им его не давал. Поэтому, когда они узнали, что есть возможность усыновить чужого чернявого ребёнка, очень обрадовались и приняли твоего брата, как родного. Чтобы всё обставить так, будто Манана родила сама, они уже больше года жили вдалеке от родного города, поэтому, когда они вернулись домой, никто не удивился, что у них за время отсутствия родился сын.

Через некоторое время ты покинул родильный дом со своей родной мамой, а твой единутробный братишка под именем Каха Мгеладзе уехал с чужой женщиной. И всю жизнь ни ты, ни твоя бедная мама, не догадывались о его существовании. Только мне с тех пор не было ни счастья, ни душевного покоя – так тяжёлый был совершённый мной грех. Понимаю я, что совершила черное дело, и нет мне ни прощения, ни оправдания. Понимаю, что даже запоздалым раскаянием не смогу искупить свою вину ни перед тобой, ни перед твоей мамой, ни перед Богом. Но, может быть, хоть немного поправлю твою, Гришенька, судьбу, если скажу, что есть у тебя родной брат-близнец, как две капли воды похожий на тебя. Не один ты на этом свете! Прости меня, старую, за всё, и прощай! Твоя тётка Муся».

Прочитав письмо, я пребывал в шоковом состоянии. Иннокентий же, узнав, в чём дело, напротив, был бодр, весел и полон энергии.

– Что ж, – хлопнул он меня по плечу, – на сей раз мы, как никогда, приблизились к разгадке!

– Какая, к чёртовой матери, разгадка?! – огрызнулся я. – Теперь всё ещё больше запуталось! Вместо одного человека – двое. Причём непонятно, где сейчас Григорий и этот Каха!

– Не говори, – усмехнулся Иннокентий, – не говори. Знаешь, – он неторопливо полез в верхний карман пиджака, – пока твой знакомый из Питера пересылал этот факс, его содержание стало известно нужным людям. И нужные люди, как им и положено, проделали соответствующую работу.

Я посмотрел на него с интересом:

– Что ты хочешь этим сказать?

Иннокентий, аккуратно завершив своё движение, вынул из верхнего кармана конверт и положил передо мной:

– Что ж, – сказал он, – я думаю, если ты прочтёшь это, то узнаешь что-нибудь интересное.

С этими словами он пересел подальше от меня, и углубился в изучение свежей прессы, всем своим видом показывая, что предоставляет мне полную свободу и неограниченное количество времени для ознакомления с содержимым конверта.

Я вскрыл конверт и извлёк из него документ, судя по форме и заголовку, верставшийся в недрах ведомства дяди Лёши. Это была подробная справка о человеке по имени Каха Ираклиевич Мгеладзе. К ней была приложена фотография, на которой я с изумлением вновь увидел человека, как две капли воды похожего на Григория. Только вот судьба его, судя по этой записке, после криминального усыновления сложилась на редкость неудачно. К сожалению для этого парня, преступление, совершенное в самом начале его жизни, в котором он не был, кстати, повинен, предопределило его судьбу самым печальным, если не сказать дьявольским, образом.

Обеспеченная грузинская семья, совершившая греховную кражу у беспомощной роженницы, через два года после этого события в одночасье погибла в автокатастрофе. Маленький Каха остался без своих приёмных родителей, а родственникам, получившим в наследство всё состояние семьи, сопливый чужой ребёнок оказался не нужен. Так Каха из баловня, любимого, хоть и не родного, сына, превратился в сироту, воспитанника детского дома. Как это часто случается, он кочевал из одного казённого учреждения в другое, нигде не получая и сотой доли того тепла и любви, которые получают дети, воспитывающиеся в семье. Несправедливость ожесточила его сердце, отсутствие помощи и поддержки научило всегда рассчитывать только на себя, никого не любить и никому не верить. Неудивительно, что в скором времени он оказался в колонии для малолетних преступников, а впоследствии – в самой настоящей тюрьме, где свёл дружбу с такими же, как он, ожесточёнными головорезами.

Жалкое полунищенское существование, которое, к сожалению, является неизменным спутником наших казённых учреждений, пробудило в нашем герое страстное желание разбогатеть. Но, поскольку он не владел профессией, которая могла бы дать ему возможность обогатиться, да к тому же испытывал патологическую неприязнь к упорному систематическому труду, оставался только один путь – криминальный. После нескольких «подвигов» в этой сфере он, как и положено, оказался на нарах. Там у него появился дружок по фамилии Ковалис. Освободились они одновременно и осели в Твери. Чем они там занимались – неизвестно, но через некоторое время Каха скоропостижно умирает. Диагноз – отравление этиловым спиртом. Ничего удивительного, поскольку в этой среде пьют всё, что горит, без разбора.

После смерти Кахи его дружок, Ковалис, времени даром не терял и стремительно пошёл в гору. Для начала он женился на девице литовского происхождения, некой Лане Статкивичене. А через некоторое время вместе с женой эмигрировал на постоянное место жительства, что характерно, в США...

Честно говоря, последняя часть документа меня несколько озадачила. Для чего ведомству дяди Лёши так подробно излагать передвижения какого-то неизвестного Ковалиса в докладе о Кахе Мгеладзе? Если последний уже давно покоится в земле, следовательно, нет у Григория никакого брата-близнеца, никакого двойника, и дело с концом. Я, не дочитав записку до конца, недоумённо повертел её в руках и вдруг обнаружил, что к ней приложены ещё две

фотографии: господина Ковалиса и его супруги. Взглянув на фотографию Ковалиса, я обомлел: с неё на меня смотрел Григорий! Служебная надпись на другой стороне карточки гласила, что это ни кто иной, как Мгеладзе Каха Ираклиевич. По-прежнему ничего не понимая, я взял в руки фотографию женщины. Спокойно и сдержанно, как на служебных снимках, без тени улыбки, на меня смотрело давно и хорошо знакомое мне лицо. Это была Лайма.

Совсем запутавшись в этих хитросплетениях, я положил фотографии на стол и беспомощно взглянул на Иннокентия:

– И что всё это значит?

Иннокентий отложил очередную газету и ответил:

– Стас, всё ведь очевидно. Этот тип, братец твоего друга, воспользовался возможностью поменять опостылевшую жизнь, сменив полностью имя, происхождение и биографию. Сейчас уже невозможно установить, умер Ковалис сам, или ему помог Мгеладзе, но то, что Мгеладзе похоронил Ковалиса под своим именем, а его имя присвоил себе и начал новую жизнь, несомненно. Если бы не поразительное сходство с Григорием, мы бы и не смогли никогда догадаться, что это липовый Ковалис. Документы у него оформлены – комар носа не подточит!

Я только изумлённо развёл руками. Иннокентий перешёл на свой обычный деловитый тон и сказал:

– Что ж, считай, что теперь освобождение твоего друга – вопрос техники. Нам осталось выяснить всего лишь одну маленькую деталь. Где проживает этот Мгеладзе-Ковалис. Я думаю, что у американской полиции найдутся необходимые нам данные на этого интересного субъекта, – с этими словами Иннокентий встал, и мы отправились в ставший уже почти родным полицейский участок.

Кевин встретил нас, как старых друзей. Гостеприимно раскрыв для нас свои мощные объятия, он поочерёдно обхватил руками каждого из нас, и, завершив этот акт крайнего расположения и улыбаясь самой дружелюбной из имеющихся в его арсенале улыбок, предложил присесть.

– Как дела, ребята? – спросил он, когда мы привычно расположились в его кабинете.

– Да так себе, – угрюмо ответил Иннокентий, чтобы несколько охладить радостный пыл нашего друга, – у нас к тебе одна просьба. Не мог бы ты выяснить, по какому адресу проживает этот человек? – Иннокентий назвал имя и протянул Дугласу фотографию господина Ковалиса, уроженца России, а ныне гражданина Америки.

Дуглас повертел фотографию в руках и ответил:

– Говоришь, он не очень давно получил гражданство? Тогда его данные должны быть у нашей миграционной службы. Сейчас я отправлю им запрос. Это не составит никакого труда и не займет много времени. Ты же знаешь, – он вновь широко улыбнулся, – я всегда рад тебе помочь, особенно когда это идёт на пользу нашему общему делу.

Ответ на запрос Дугласа пришёл очень быстро. Гордый своей оперативностью, он выложил перед нами распечатку всех передвижений господина Ковалиса Витаутаса по территории Соединённых Штатов с момента прибытия. Был указан и адрес последнего места жительства.

– Что ж, – сказал Иннокентий, – туда-то мы сейчас и отправимся. – Ты поедешь с нами? – спросил он американца.

– Обязательно! – ответил тот. – Не знаю, ребята, как вам это удаётся, но каждый ваш шаг приближает нас к разгадке таинственных исчезновений, даже если он не связан с ними напрямую. Мне сопутствует с вами удача, поэтому я не упущу шанс сопровождать вас.

Не прошло и двадцати минут, как мы оказались у добротного современного дома, представляющего собой иллюстрацию американской мечты о благополучной жизни. Дом был заперт снаружи, но рядом с ним работали два трактора, разравнивающие площадку для какого-то нового строительства. Дуглас, не задумываясь, направился к рабочим уверенной походкой представителя закона, остановил работы и, официально представившись, спросил, известно

ли им что-либо о местонахождении хозяина особняка. Привыкшие всегда быть лояльными к полиции и осуществлять максимальную помощь её представителям, рабочие наперебой стали объяснять Дугласу, что хозяин особняка внезапно исчез, и они уже почти целую неделю его здесь не видели, чему сами очень удивлены. Дуглас поблагодарил рабочих за информацию, но по кислому выражению его лица было ясно, что он очень разочарован. «Вот, – с грустью подумал я, – стоило произнести вслух, что нам сопутствует удача, как она тут же отвернулась от нас. Фортуна – пугливое и своенравное создание. И что, интересно, нам теперь делать? Круг замкнулся, и ничего не прояснилось».

Вдруг моё внимание привлекло чье-то слабое шевеление сбоку. Я повернулся и увидел перед собой хрупкую, очень бледную девушку. Выглядела она более чем странно. Несмотря на холод, на ней была только длинная белая рубашка, спускавшаяся почти до пят, кожа была бледной до синевы и почти прозрачной, обе руки она зачем-то прижимала к своему горлу. Весь её облик казался нереальным, призрачным. Она приблизилась и пристально посмотрела на меня. От её взгляда, скажу честно, мне стало не по себе.

– Я знаю... – произнесла она очень тихо. Так тихо, что голос её был скорее похож на шелест листвы, чем на речь человека.

– Что ты знаешь? – так же тихо спросил я её.

– Я знаю, что именно ты можешь найти меня.

– О чем ты говоришь, девочка?

– Я подскажу тебе... – прошелестела она в ответ.

В это время Иннокентий, повинуясь своей привычке расхаживать взад-вперед в моменты, когда необходимо принять важное решение, направился в мою сторону. Я ожидал, что сейчас он заметит мою собеседницу и остановится, но, к моему крайнему изумлению, он просто... прошёл сквозь неё! Только тут я обратил внимание, что воздух вокруг девушки как-будто плывёт, а она сама не стоит на земле, а слегка покачивается в этом густом мареве. Я понял, что говорю с призраком, с покойницей. Она же, не обратив на Иннокентия ни малейшего внимания, по-прежнему стояла передо мной в той же странной позе, с прижатыми к шее руками и смотрела на меня удручёнными, измученными глазами.

– Я нахожусь здесь... Я нахожусь здесь... – твердила она, едва шевеля бледными губами.

– Что это значит? Где это – «здесь»? – спросил я её.

Она указала глазами на особняк.

– Здесь, под бетонированной площадкой, заросшей травой. Если ты найдёшь меня, то сможешь найти и моего врага, – внушала она мне все тем же слабым шелестящим голосом.

Я не понимал, как смогу исполнить её просьбу, но в её взгляде и голосе было столько отчаянной мольбы, что у меня защемило сердце:

– Хорошо, – согласился я, – я попробую помочь тебе, но что я должен сделать?

– Найди меня, и ты найдёшь моего врага, – снова повторила она странную фразу и отняла руки от горла.

Я в ужасе отшатнулся, дрожь пронзила моё тело: вся её шея представляла собой одно страшное кровавое месиво.

– Боже мой! Кто это с тобой так?! – спросил я, как только справился с испугом.

– Найди его... Найди моего врага... Мне страшно, и я не даю себе полного отчета в том, что со мной происходит. Пока что я на самой низкой ступени мертвых, потому что сильно чувствую потребность в восстановлении справедливости – расправе над моим убийцей. Я привязана этим чувством к живым: не могу успокоиться и уйти на свой путь, пока мой враг не будет уничтожен. Никакого прощения и помилования ему! Такое желание испытывают по отношению к своим убийцам все невинно убиенные. Мы все здесь, насильно умерщвленные, несем ответственность за восстановление справедливости и мечемся среди живых до тех пор, пока виновные не будут наказаны смертью. Когда ты найдёшь моего врага и отомстишь за меня, я

стану свободной, месть за невинно убиенную освободит меня, – в последний раз прошептала она, и исчезла.

Я стоял, ошеломленный, не находя в себе сил сдвинуться с места. Из оцепенения меня вывел приблизившийся шум тракторов. Я посмотрел в направлении звуков и увидел Дугласа, который направлялся ко мне. Он был крайне раздосадован. Поравнявшись со мной, он буркнул:

– И что ты здесь стоишь? На сей раз, нам не повезло – птичка улетела, придётся искать вашего Ковалиса в другом месте.

– Подожди, – спокойно ответил я, – сначала выясним, где находится одна из пропавших девушек.

Дуглас посмотрел на меня так, будто я прямо на его глазах сошёл с ума:

– Можно подумать, что ты знаешь, – в его голосе отчетливо слышались издевательские нотки.

– Да, представь – я знаю, – тихо, но твёрдо ответил я ему. – Нам потребуются рабочие с отбойными молотками.

Дуглас изменился в лице, но ничего не возразил. По-видимому, он почувствовал в моём голосе столько уверенности (нечеловеческой уверенности, я бы сказал), что просто не решился задавать мне какие-либо вопросы. Он отошёл к Иннокентию и, несколько секунд посоветовавшись с ним о чём-то, вызвал рабочих.

На меня снизошло удивительное спокойствие и уверенность в своих силах. Вместе с рабочими, Кевином и Иннокентием мы принялись обходить территорию особняка. Хотя, если быть точным, это я обходил территорию в поисках площадки, на которую указал мне призрак, остальные же плелись за мной следом, недоуменно пожимая плечами, но не препятствуя.

Наконец, на заднем дворе особняка обнаружилась та самая площадка, слегка замаскированная дерном. Я остановился рядом с ней и попросил рабочих разбить бетон. Через несколько минут, с помощью отбойных молотков, рабочие извлекли на свет то, что я уже ожидал увидеть но, тем не менее, надеялся, что не увижу. Мне легче было бы выглядеть в глазах товарищей полным идиотом, чем смотреть на то, что вынули из ямы. На земле перед нами лежали три девичьих тела со страшными ранами на шеях, обмотанные белыми саванами. Никто не мог смотреть на них спокойно. Мы с Иннокентием отошли от ямы, я едва сдерживал слёзы, Иннокентий тоже прятал глаза. Несколько минут мы молчали. Дуглас подошёл и сокрушённо похлопал меня по плечу:

– Мы всё-таки нашли их... Я не спрашиваю, как ты узнал, что они здесь. Ин (так Дуглас называл Иннокентия) сказал, что это табу.

– Да, – с горечью ответил я, – мы их нашли, но помочь им уже не можем. Нам остаётся только разыскать и наказать преступников, но вернуть эти молодые жизни не в нашей власти.

Дуглас на это ничего не ответил, да я видел и без слов, что он удручён не меньше моего. Перед тем, как уйти, чтобы отдать необходимые распоряжения, он несколько раз вопросительно заглянул мне в глаза, надеясь прочитать в них объяснение мучившей его загадки. Но я не собирался откровенничать с американским полицейским, и Дуглас, поняв, что никаких тайных врат перед ним не откроется, принялся с утроенной энергией исполнять свои служебные обязанности.

– Надо внимательно осмотреть тела. Может быть, найдётся ниточка, которая приведёт нас к убийце, – давал он указания своим подчинённым.

Рядом с телами уже трудилась целая толпа судмедэкспертов, криминалистов и полицейских. В силу профессиональных обязанностей привыкшие к подобным зрелищам, они спокойно, деловито, составляли протоколы осмотра, констатировали наличие повреждений, фиксировали каждый предмет, найденный в разобранной яме, упаковывали для анализа образцы грунта, бетона, переговаривались по рации.

«Да, – с грустью подумал я, – теперь нам остаётся только констатировать факт смерти. Все эти профессионалы, к сожалению, не смогли предотвратить страшную гибель девушек и даже пока не в состоянии найти их безжалостных убийц».

Вдруг со стороны того места, где работала полиция, раздался громкий крик, обращённый к Дугласу:

– Сэр, идите скорее сюда! Мне кажется, я кое-что нашёл!

Я рванул вслед за Дугласом и увидел одного из экспертов, который протягивал полицейскому маленький смятый картонный квадратик:

– Посмотрите, я нашёл это в сжатом кулаке одной из девушек. Наверное, это важно, поскольку она, зная, видимо, что умрёт, спрятала в руке именно это. Да так сильно сжала – мне с большим трудом удалось разжать её окоченевшие пальцы!

– Что это? – пробормотал Дуглас, обращаясь не столько к окружающим, сколько к самому себе, осторожно разгладив находку на своей огромной ладони. Картонка оказалась визитной карточкой. Вполне могло оказаться, что именно после встречи с её обладателем, девушки нашли свою скорую и такую раннюю смерть. Я заглянул Дугласу через плечо и прочёл: «Агентство «Ибис». Голливуд-стрит, 24 Б».

«Вот, кажется, круг и замкнулся! – подумал я. – Знакомое местечко! Я думаю, нам следует немедленно туда отправиться».

Словно эхо моих мыслей, прозвучал голос Дугласа:

– Я думаю, нам следует немедленно туда отправиться, – сказал он, протягивая визитку подошедшему Иннокентию.

Глава четвертая. Григорий.

Если бы наш трюк был номинирован на «Оскар» за спецэффекты, не сомневаюсь, что мы со Сьюзен стали бы призёрами. Пока мы с ней парили под потолком, приводя зрителей в состояние мистического ужаса, те из них, кто приходил в себя от шока, с душераздирающими воплями покидали помещение. Хотя, если быть честным, то парил только я, а Сьюзен лишь крепко за меня держалась. Надо сказать, что удерживать её долго мне бы не удалось, но этого и не потребовалось – комната стремительно пустела. Последним её покинул пастор, который так спешил, что даже не закрыл за собой дверь. Мы спикировали к открытой нараспашку двери и уже собирались выбежать следом, поскольку это был единственный выход из комнаты, но, к сожалению, нашим надеждам на такое скорое и легкое освобождение не суждено было сбыться. Едва я выглянул за дверь, как увидел бегущих к нам по коридору людей, среди которых я узнал своего тюремщика. Я не стал дожидаться, когда они добегут и заключат меня в свои объятия, поэтому, схватив Сьюзен за руку, втащил её обратно в комнату и захлопнул дверь. Дверь была довольно крепкой, кроме того, я обнаружил массивный железный засов, позволяющий запираться изнутри. Что я и сделал, с облегчением переведя дух. Не успели мы отступить и шага от двери, как раздался жуткий стук – это наши преследователи пытались проникнуть в помещение. Я ещё раз от всего сердца поблагодарил создателей этой превосходной прочной двери и отменного засова, и прислонился к стене. Вскоре, поняв всю тщетность своих попыток, преследователи уgomонились, и я услышал вкрадчивый, даже приятный голос моего старого знакомого:

– Григорий! Что ты делаешь? Зачем тебе убегать, если тебе ничто не угрожает? Мы столько времени провели с тобой в беседах, ты всегда был абсолютно свободен. Неужели нам не удастся с тобой договориться?

Мои нервы были напряжены до предела, поэтому, услышав этот осточертевший мне голос, я пришёл в бешенство:

– Что тебе от меня нужно! – заорал я, выплескивая всю свою нервозность. – Ты прекрасно знаешь, что та вещь, которой ты добиваешься, постоянно со мной, я с ней не разлучаюсь! Почему тебе было просто не отобрать её у меня, оставив мою душу в покое?!

В ответ я услышал короткий демонический смешок, не предвещавший ничего хорошего:

– Если бы я мог, именно так и поступил бы. Но, видишь ли, мой храбрый друг, к сожалению, вещь, которая сейчас принадлежит тебе, обладает одним очень неудобным свойством: видеть и осязать её можно только в том случае, если этого хочет её владелец. Так сказать, духовно содействует её передаче в другие руки, отпускает её от себя. В противном случае все попытки отобрать её силой, выманить хитростью или обманом, напрасны.

Его слова очень порадовали меня. В который раз я мысленно преклонил голову перед мудрыми создателями моего амулета. Наконец я понял, для чего мои тюремщики столько времени удерживали меня и развращали мой мозг своими казуистическими беседами. Если бы им удалось меня сломить, убедить в том, что душа моя погрязла в грехе, я стал бы одним из них, согласился служить им добровольно и отдал бы амулет. Я содрогнулся от мысли о том, как недалёк я был в последнее время от того, чтобы обвинить себя во всех смертных грехах и признать правоту своего «наставника». Слава Богу, что этого не произошло! Я с благодарностью взглянул на Сьюзен – если бы не желание спасти эту девочку, кто знает, где я был бы сейчас!

Тем временем он продолжил:

– Ладно! Лирических отступлений достаточно! – голос его переменялся, стал резким и неприятным. – Я, пожалуй, дам тебе на размышления этак часика... Сколько у нас времени в запасе? – обратился он к кому-то из сопровождающих и, уточнив, сообщил мне:

– Часика два. Если за это время ты не выйдешь добровольно – чёрт с тобой. Жил же я раньше без твоего философского камня, проживу и дальше. У меня достаточно могущества и власти и без твоей детской игрушки. Только учти, мой непутёвый ученик, в этом случае я не буду больше с тобой церемониться. Вы оба будете обречены – и ты, и твоя юная леди. Если ты настолько глуп, что не ценишь собственную жизнь, подумай хотя бы о ней! Подумай хорошенько, Григорий! Ты ведь уже прошёл восемь кругов ада, а теперь держишь последний экзамен. Наверное, ты этого не заметил, но сейчас ты совершаешь ещё один тяжкий грех. Хочешь узнать, какой? Предательство. Да, да... Ты предаёшь меня, своего благодетеля. Разве я не предоставил тебе всё возможное, что только может предоставить гостеприимный хозяин? Разве я не спасал тебя от душевных мук и терзаний, разъясняя природу вещей? Наконец, сколько душевных сил, терпения и внимания уделил я тебе! И вот, презрев всё это, не сказав ни слова благодарности, ты пытаешься ускользнуть. Но я не в обиде, нет, я только немного разочарован, – возникла пауза, после которой в его голосе снова появились мягкие, тягучие интонации, обволакивающие сознание. – Вдумайся, Григорий! Это последний, девятый круг! Предавая меня, ты безоговорочно встаешь на мою сторону, принимаешь моё мировоззрение. Тебе некуда бежать – ты дома. Ты принадлежишь нашей касте – касте избранных. Все пороки девяти кругов ада, которые ты раньше отвергал в угоду иллюзорным добродетелям, поскольку был слеп и слаб, теперь нашли в тебе свое отражение, стали твоей сущностью. Ты не сможешь этого забыть и отказаться от этого. Взгляни на себя трезво, вспомни всё, что происходило с тобой, и подумай: стоит ли тебе бежать от меня, если ты такой же, как я.

На этих словах он закончил свою проникновенную речь и, ещё раз напомнив, что времени на размышления у меня всего два часа, удалился вместе со своей свитой. Ещё несколько минут я прислушивался к звуку шагов в коридоре, пока они не стихли. Размышлять мне, в общем-то, было не о чем: наша попытка побега провалилась, пытаться покинуть здание, выйдя в коридор, было бесполезно, поскольку там наверняка оставили кого-нибудь следить за дверью, а уж о том, чтобы присоединиться к упорно навязываемой мне «касте избранных» не было и речи. Последнее признание моего тюремщика, в котором он выдал мне свойства амулета, ещё более утвердило меня в мысли, что все эти круги ада, которые я, якобы, прошёл – не более чем лукавая уловка, рассчитанная на то, чтобы разрушить мой дух. Его речи только придали мне сил и желания бороться. Только вот я не мог пока понять – как?

Теперь, когда меня и Сюзен оставили в покое, я, наконец, более внимательно оглядел комнату, в которой мы оказались заложниками, и заметил, что на постаменте, вокруг которого странный пастор расхаживал во время своей службы, накрытый чёрной траурной тканью, лежал труп какого-то человека. Напуганные до полусмерти нашим появлением, все участники действия разбежались, бросив этот, так и не оживлённый, труп, на произвол судьбы. Соседство с покойником было мне неприятно, я поёжился. Хотя, если взглянуть на ситуацию с другой стороны, наше положение было настолько безнадёжным, что присутствие несчастного бездыханного тела никак не могло его ухудшить. В некотором роде я признавал это даже символическим: нам предстояло погибнуть через два часа, а этот бедняга стал бы нашим проводником в мир мёртвых. Я встряхнул головой, пытаюсь отогнать мрачные мысли, и ещё раз взглянул на постамент. Я надеялся разглядеть душу усопшего, поскольку знал, что, не обречённая на уничтожение благочестивая душа держится у покинутого ею тела в течение сорока дней после смерти. Дар, которым я обладал, позволял мне видеть эти души и даже говорить с ними. Не исключено, что, поговорив с его душой, я смог бы найти выход. Но, к сожалению, этот парень, по-видимому, был отъявленным негодяем, и его душа была растворена сразу после смерти, без шансов на возрождение, поскольку рядом с телом не было заметно ни малейшего колебания божественного света.

«Злодей так злодей, – смиренно подумал я. – В конце концов, мне нет до него дела».

Я отвернулся от тела, подошёл к Сюзен и присел рядом с ней:

– У тебя есть какие-нибудь мысли, как нам отсюда выбраться? – спросил я.

Сьюзен посмотрела на меня снизу вверх, подперла кулачком щёку и ничего не ответила. Только в огромных глазах застыла такая щемящая тоска, что я разозлился на себя. Нашёл, кому задавать вопросы! Беззащитной, неопытной девчонке! Откуда ей знать, что делать дальше, если даже я этого не знаю... От взгляда на её хрупкую, такую беспомощную сейчас, фигурку, в эти наполненные отчаянием глаза, я внезапно ощутил стыд за своё малодушие и огромную ответственность не столько за свою жизнь, сколько за жизнь Сьюзен. Неожиданно, кроме мысли о том, что я обязан сделать всё возможное для спасения её жизни, в моей голове возникла другая мысль, как будто привнесённая извне. Мысль эта явно сформировалась без моего участия и была мне совершенно непонятна: спасение Сьюзен важно не только ради неё самой, но и ради других людей. Мой мозг так утомился за последние несколько часов, что я совершенно не мог проникнуть в суть этого послания своего амулета (а в том, что этот странный сигнал поступил именно от него, я ни секунды не сомневался).

Неожиданно Сьюзен встрепенулась, будто преодолев оцепенение сковавшего её страха, решительно взглянула мне в глаза и сказала с вызовом:

– А я даже рада, что так всё произошло!

– Что ты имеешь в виду? – не понял я. – Чему тут можно радоваться?

– Я должна сказать тебе правду. Теперь, когда я вижу, что мы отсюда не выберемся, – она обвела глазами комнату, – здесь нет ни одного окна, а за дверь мы выйти не можем, потому что нас сразу схватят, теперь я думаю, что напоследок могу тебе признаться. Мне будет тяжело умирать, зная, что я тебя хоть в чём-то обманула...

Мне показалось, что сейчас она заплачет, но она только всхлипнула, поднесла к глазам краешек простыни, а потом собралась и продолжила:

– Я думаю, что такой исход решит мою проблему.

– Да какая ещё проблема?! – от удивления, что перед лицом смерти эта девочка может думать ещё о какой-то проблеме, кроме той, как спасти свою жизнь, я подскочил, и чуть было не прислонился к постаменту с покойником.

– Знаешь, – уже совершенно спокойным, ровным голосом продолжала Сьюзен, – накануне всех этих страшных событий к нам в школу приходил психолог и спрашивал меня, сохранила ли я свою девственность. Я обманула его. Я сказала, что я девственница, хотя, – она пристально посмотрела на меня, – на самом деле это враньё.

– Как же так, Сьюзен?! – всплеснул я руками, вспомнив, как убедительна она была совсем недавно в роли оскорблённой весталки. – А не ты ли кричала: «Ах, не прикасайся ко мне, не лишей меня девственности!», когда я просил тебя всего лишь переодеться в простыню.

Сьюзен лукаво взглянула на меня и на мгновение превратилась из запуганного ребёнка в маленькую кокетливую женщину. Она игриво повела плечиком, поправила складки своей импровизированной туники и стала походить на изящную античную статуэтку:

– Дело в том, – глубокомысленно заметила она, – что женщины любят примерять на себя те качества, которыми на самом деле не обладают. Часто они выбирают такие из них, которые прямо противоположны их собственным. Это род своеобразной косметики, украшающей не лицо, но душу, создающей дополнительный загадочный ореол. Разве ты не замечал, что те из нас, что кричат на каждом углу за права женщин, как только подворачивается возможность, с удовольствием становятся рабынями у какого-нибудь толстосума? А моралистки являются просто ненасытными гетерами. А всё потому, – она невинно захлопала ресницами, – что женщины значительно слабее мужчин. Поэтому, чтобы заполучить себе мужчину, который будет защищать её, кормить, заботиться о ней, женщина вынуждена лгать, блефовать и выкручиваться. Ничего не поделаешь, такова наша природа, – подытожила она, тихо засмеявшись.

Я не находил слов, поражённый не столько тем фактом, что Сьюзен не является девственницей, сколько тем, как зрело и по-взрослому рассуждала она об особенностях женской

натуры. Я никак не мог ожидать от неё такого рода размышлений. Но на этом сюрпризы не закончились. Насладившись эффектом, который произвела на меня её речь, она произнесла, как бы между прочим:

– Вот я сказала, а теперь признаюсь тебе: я беременна.

Это сообщение настолько обескуражило меня, что я окончательно потерял дар речи. Повисло молчание. Наконец, перебравшись поближе к ней и присев рядом, я осторожно спросил:

– Но... Как же так, Сюзен? Ты ведь не замужем!

– И что! – протестующее воскликнула она. – Я имею право на собственную жизнь! Может быть, у меня была любовь. Может быть, мой любимый... не успел сделать мне предложение.

– А что же теперь? – тихо спросил я её.

– Что теперь? Да ничего! Теперь всё решится само собой. Я так боялась, что об этом узнают родители – они очень строго меня воспитывали, и мне бы не поздоровилось. Уж я-то знаю! От одной мысли, что рано или поздно всё раскроется, меня бросало в дрожь. Я даже сама хотела наложить на себя руки. Да, – сердито сказала она, увидев, что я сделал попытку возразить ей, – теперь и к лучшему, что всё так произошло! Я совсем не против того, чтобы погибнуть здесь. Не придётся брать грех на душу, самой себя убивать...

Видимо, на эту тираду она потратила весь свой боевой запал, потому что решительность вдруг оставила её и, совсем по-детски всхлипнув, она тихо сказала:

– Ну и пусть мы здесь погибнем, и от меня ничего не останется. Ни от меня, ни от моего ребёнка.

Я с нежностью смотрел на эту отважную маленькую женщину, которая так отчаянно боролась со своим страхом. Женщину, которая была готова умереть, но при этом, как маленький ребёнок, боялась родителей. И только тут до меня дошёл смысл послания, которое я получил от амулета. Я понял, почему жизнь Сюзен важнее, чем просто жизнь человека. Я вдруг отчётливо увидел её будущее.

Предвидения бывали у меня и раньше, поэтому я несколько не удивился, а старался как можно точнее запомнить всё, что представало моему внутреннему взору. Я увидел Сюзен, вернее, узнал её в очень немолодой уже женщине, сидевшей в людном зале, и с волнением глядевшей на сцену. На сцене, на первый взгляд, не происходило ничего особенного. Скромный, очень привлекательный молодой человек, сын Сюзен, стоял один посреди огромной сцены и уверенным голосом что-то говорил. Сначала я не смог разобрать слов, но потом понял, что это проповедь. И ещё я ощутил необыкновенное притяжение его личности. Казалось, что души всех присутствующих в зале тянутся к нему и согреваются в лучах его простых и ясных слов. Я и сам, прислушиваясь к его речи, вдруг ощутил, как мрачные сомнения покидают меня, исчезают, как ненужная шелуха, превращаясь в пар, пыль, ничто. Он говорил очень просто и доступно: о любви, о Боге, о добре и зле, о смысле жизни. Но ничего назидательного не было в его тоне, слова ложились на душу, как целебный бальзам, и сердце радостно принимало их. Я вдруг понял, что все философские построения моего тюремщика – не более чем софистика. Что есть только одна истина, и эта истина – Свет. И она доступна каждому, кто тянется к ней.

«Поймите простую вещь, – уверенно говорил молодой проповедник, – между Всевышним и человеком не должно быть никаких посредников, все посредники – самозванцы, и только мешают человеку служить Богу. С помощью своей и чужой воли вы создали над собой огромное облако из суеверий, ошибочных мнений мистиков и прямого вранья шарлатанов от религий, и это облако не дает лучам Всевышнего спуститься на вас, дать вам пищу и смысл жизни. Вы недоступны помощи Бога – вот в чем ваша беда. Но вы можете помочь себе сами.

Как живет обычный человек? Он дробит свои силы и свое время на множество разнообразных занятий: рассуждения общего порядка, сон, еда, работа, покупки, дети, общение... Душа такого человека плохо очищается, поскольку его жизнь не является целеустремленной.

Другое дело, когда человек не очень-то задумывается над тем, что он ест, что одевает на себя, если над ним не довлеют половой инстинкт и животные страсти, а также различные житейские привязанности, если он направляет все свое существо на постижение Высшего разума, если человек живет во имя этого и все его поступки продиктованы только этим, он, пожалуй, будет малоинтересным для окружающих – довольно странным, но только таким образом он сможет открыть свою душу Богу и после смерти соединиться с Ним.

Учения древних говорят, что человек после смерти может воссоединиться с Богом или не воссоединиться, все зависит от того, сумеет ли он преодолеть препятствия, которые скрыты в его собственной душе. А что такое преодоление этих препятствий? Это соотношение себя с требованиями Высшего разума. Взять, к примеру, Библию, открыть ее на любом месте (которое, на самом деле, Бог укажет), прочитать страницу, вдуматься в ее содержание и соотнести ее содержание со своими поступками и состоянием своей души. Это и будет самоочищением. Не хотите читать Библию – обратите взор внутрь себя и спросите себя, почему вам неуютно? В чем причина вашего душевного дискомфорта? Может быть, в том, что вы не понимаете своей миссии в мире? Может быть, потому, что в своих поступках, мыслях и желаниях вы отошли от Создателя, от Его установлений?.. Ответы на подобные вопросы тоже будут вашим самоочищением.

Оно сродни работе художника: оно – индивидуально. Общее требование тут одно: трудись душой. Трудись и еще раз трудись. Как сказано, стучите, и вам откроется; просите, и вам будет дано. Вот инструкция по самоочищению, и другой нет. Она называется «Труд души».

Почему многие не хотят творить самоочищение? Потому, что оно, в отличие от работы ради денег и материальных благ, в которой предписывается тупо следовать установленным правилам, предполагает куда более кропотливую, трудную и самостоятельную работу человека, над самим собой, над своей душой. Оно малозаметно, сродни таинству. Оно и есть таинство – в тот момент, когда достигает высшей своей стадии. Таинство взаимосвязи с Высшим разумом.

Таинство – это общение человека с Высшим разумом, Богом, посредством самого себя, посредством очищения собственной души. Без привлечения барабанного боя, пения певчих и прочего ритуально-мистического антуража. Это тоненькая-тоненькая духовная нить, которая связывает человека с потусторонним миром.

Обретение таинства напоминает строительство духовной пирамиды в своей душе. Ты ступень за ступенью выстраиваешь свою душу по направлению к Богу, и вот в какой-то момент ты вдруг начинаешь испытывать встречное внимание к тебе и поддержку свыше. К тебе начинает переходить Божественная энергия, ты чувствуешь ее присутствие и тепло. Такой прорыв может произойти только на достаточно высоком уровне твоего эмоционального настроения или философского развития. Высота твоей духовной пирамиды, вошедшей в контакт с Богом, должна быть не ниже уровня твоих грехов... Только тогда возможно взаимодействие, образование той самой тоненькой нити, связывающей тебя и потусторонний мир.

Приведу пример. Допустим, человек изучает какую-то науку... скажем, химию. Сначала он ничего не знает. Потом он изучает неорганическую химию, потом – органическую, потом – взаимосвязь химии с физикой и другими науками... Наконец, он достигает такой точки в познании своего предмета, что он знает о нем все. И тогда он начинает творить свою теорию. Вот в это время и возможно озарение, подобно тому, как было у Менделеева, когда он страстно пытался уяснить свою периодическую таблицу химических элементов... И вдруг она открылась ему во сне.

На самом пике творческого поиска, подкрепленного основательным знанием, к человеку вдруг приходит озарение. В религии оно называется откровением.

Вы еще не знаете всех возможностей вашего разума и потому умалчиваете его. На самом деле при упорных усилиях вы вполне можете достигнуть откровения. Каждый смертный способен

развить свою душу до этого уровня. Ведь Бог находится к вам ближе, чем вы думаете. Он не на небе, Он – рядом, в другом измерении. Вы можете это понять?..»

Люди внимали его словам, и я отчетливо видел, как на их измученные души снисходит умиротворение и уверенность в завтрашнем дне.

Видение прекратилось, и я понял, наконец, как велико значение Сьюзен и ребёнка, которого она носит под сердцем. Ее сын станет великим мыслителем, несущим людям освобождение от грехов и сомнений, исцеляющим души. «Этот человек будет очень важен для землян, – вдруг услышал я чей-то голос, смутно знакомый и звучащий как будто внутри меня. – Именно поэтому мы помогаем тебе и его матери спастись. В безвыходной ситуации мы отворяем для вас маленькую дверку, через которую можно выбраться. Ваша задача – не пропустить её. Запомни: если этого требует правое дело, в любом тупике всегда находится маленькая дверка в углу...».

– Да, – вдруг разнеслось из-под чёрного покрывала на столе, – непременно отсюда нужно выбираться.

Я в ужасе обернулся и увидел, как тело, лежавшее на постаменте, стало медленно подниматься, пока, наконец, не уселось на своём ложе, с криком почёсывая огромные волосатые ноги. Сьюзен вскрикнула и уже была готова упасть в обморок, но я придержал её и сказал:

– Подожди ты пугаться! Что-то не похоже, чтобы это был покойник. Сэр, – обратился я к чудесно воскрешённому, – кто вы такой и откуда вы взялись?

Невозмутимо продолжая почёсывать ноги, бывший покойник, – судя по всему, птица невысокого полёта, да к тому же любитель выпить, о чем свидетельствовали сизый цвет носа и характерные, набрякшие мешки под глазами, – задумчиво посмотрел на нас и изрёк:

– Откуда, откуда... – ворчливо передразнил он меня. – Оттуда! Осточертела мне эта работа! Ладно бы просто противно было, а то ведь ещё и платят гроши!

– Да о чём вы говорите! – подступился я к нему. – Объясните нам всё по-человечески... если вы, конечно, человек, – добавил я на всякий случай.

Он гордо приосанился на своем постаменте и, приняв позу опереточного Мефистофеля, запахнул, как в плащ, в траурное покрывало:

– О, сэр!.. Когда-то я был неплохим актёром, но жизнь, судьба...

Я недоверчиво взглянул на него, не скрывая иронии.

– И, да, конечно, – замялся он, – и вредные привычки, привели меня к самым низам общества. Никто не хочет понять ранимой души художника! – театрально вздохнул он и продолжил. – Вот вы, сэр, меня не одобряете, а, между прочим, везде можно жить. Вот тут, например, меня наняли исполнять роль покойника, а потом чудесным образом оживать. И что здесь дурного, я вас спрашиваю? Работа как работа. Если находятся дуралеи, готовые за это платить, то почему бы не воспользоваться случаем и не полежать в приятной компании? Публика в восторге. – Он заученным жестом провел себе по волосам. – Конечно, не совсем мой уровень, – к нему вернулось профессиональное самолюбие, как это часто бывает у неудачливых мелких актеров, – но, если бы платили, как следует творческому человеку, я бы ни о чём другом и не думал. А хотите, покажу, как здорово у меня получалось? – на этих словах покойник совершенно ожил, в глазах забегали озорные искорки.

Сьюзен, которая, несмотря ни на что, оставалась ещё совсем ребёнком, в чём я не раз убеждался, моментально преобразилась и радостно захлопала в ладоши:

– Давайте! Давайте!

– Сейчас, – довольный её реакцией, сказал актеришка. – Может быть, это последний мой выход в этой роли.

Он снова торжественно улёгся на своём ложе, укрывшись покрывалом, а потом стал медленно подниматься, дико вращая глазами и завывая глухим устрашающим голосом:

– Кто меня зовёт? Я иду к тебе, мой господин!

Закончив представление, он заискивающе посмотрел на нас, ожидая реакции.

– А что, неплохо, – великодушно одобрил я его игру, не желая обидеть «творческую личность».

– Да, – подхватила Сьюзен, – у нас подобралась профессиональная команда: двое из нас – почти покойники, а один – уже покойник.

Лицедей взглянул на нас так, будто собирался раскланяться под бурные аплодисменты, но внезапно передумал, ухмыльнулся и важно заявил:

– Леди энд джентльмен! Пока старина Сэм здесь лежал, невольно подслушивая ваши разговоры, он понял ваше положение и хорошенько обдумал своё. До этого момента я полагал, что состою на службе у простых мошенников, несложной мистификацией выманивающих деньги у доверчивых простаков. Поскольку излишней щепетильностью в этих вопросах я не обладаю, то не видел ничего зазорного в том, чтобы помогать им. В конце концов, это достаточно безобидный обман. Даже забавный. Но то, что я здесь услышал, заставило меня иначе оценить ситуацию. Если я не ошибаюсь, здесь пахнет настоящим убийством. Вам ведь угрожают смертью, не так ли?

Мы со Сьюзен безмолвно кивнули.

– В таком случае, я им больше не слуга! – гордо заявил комедиант. – Старина Сэм никогда не имел дела с такими злодеями, я работаю только с мелкими аферистами. Поэтому, господа, следуйте за мной, я покажу вам, как отсюда выбраться.

С этими словами, царственным жестом закинув на плечо свой «плащ», он, наконец, слез с постамента. Пройдя несколько шагов в сторону, он приглашающим жестом позвал нас:

– Идёмте, идёмте! Я покажу вам лаз, из которого я иногда появлялся в качестве привидения. Да, господа, была у меня и такая роль, – он мечтательно прикрыл глаза. – Эх, вот бы меня, с моим-то опытом и талантом, порекомендовали кому-нибудь в Голливуде! Я здесь так вжился в образы всевозможных призраков и покойников, что, наверное, мне не было бы равных.

– Не сомневаюсь, вы произвели бы на Спилберга неизгладимое впечатление! – польстил я ему, про себя горячо желая вернуть его из области мечтаний о карьере в суровую реальность, где он пообещал нам помочь выбраться из западни. – А вы уверены, что знаете, как отсюда выбраться?

Он ответил с видом человека, оскорблённого в самых лучших чувствах:

– Конечно, знаю! Только вот думаю, захочется ли вам попасть туда, куда я предлагаю, – он на секунду задумался, но потом махнул рукой, отгоняя сомнения, – хотя, в любом случае, я думаю, вам сейчас лучше находиться где угодно, только подальше от этого места. Так что надо отсюда бежать, пока эти психованные не вернулись и не начали палить через дверь. С них станется! Я за свою жизнь наглядился на такое – будьте любезны! Ещё и меня подстрелят мимоходом. У нас во Вьетнаме был такой командир. Во время боя абсолютно ничего не сообщал: палил в своих и чужих без разбора. А что – война всё спишет... Да ладно, хватит нам тут болтать, – прервал он свои размышления, – пошли! А то я и так уже задержался, а мне домой пора – хозяйка моя, наверное, совсем заждалась.

Тут Сэм прошёл в самый дальний угол комнаты, положил обе руки на раму висевшей там картины, и слегка нажал на неё. Часть стены вместе с картиной бесшумно отодвинулась, и мы увидели за ней слабо освещённый коридор.

Мой опыт передвижения по коридорам этого здания заставлял меня относиться настроенно к таким вот проходам. Была опасность, что, последовав за нашим проводником, мы попадём прямо в лапы преследователей. Но, с другой стороны, что нам было терять? Мы и так находились у них в лапах.

Прочитав, видимо, сомнение на моём лице, Сэм сказал:

– Да не бойтесь вы! Этот маршрут мне хорошо известен, здесь никогда никого нет. Только вот на выходе нужно быть осторожнее – неизвестно, что может нас там поджидать. Да ничего, всё лучше, чем сидеть здесь и ждать, пока нас прихлопнут, как мух в банке.

Он сделал первый шаг в образовавшийся в стене проём. Я взял Сьюзен за руку, и мы вошли вслед за Сэмом. Стена за нами снова сомкнулась, как будто никогда и не было этого прохода. Мы оказались в глухом коридоре без единого окна или двери. К моему облегчению, коридор оказался коротким, мы достаточно быстро миновали его, пробираясь почти на ощупь в полной темноте. По тому, как увеличилось пространство вокруг и прибавилось света, я понял, что мы вышли из коридора в какой-то холл. Я заметил одну-единственную дверь.

– Тс-с-с, – приложив палец к губам, тихо сказал Сэм, подойдя к двери, – прислушаемся, есть ли там кто-нибудь. И молитесь Богу, чтобы там никого не было.

– А что там, – прерывистым шепотом, заикаясь от биения собственного сердца, спросил я, – что находится за этой дверью?

– Мне, может быть, стоило сказать вам раньше, – смущённо ответил Сэм на самое мое ухо, – но выход из этого коридора возможен только через кабинет моего босса. Если босса там нет, нам крупно повезло. Но если он там, придётся ждать, когда он уйдёт. Увидев меня вместе с вами, он и меня пустит в расход. Так что давайте, послушаем, есть ли там кто.

Мы втроем, затаив дыхание, припали к двери. Из-за неё раздавались голоса. Там, определённо кто-то был, причём разговор шёл очень серьёзный. Сначала я решил, что ведутся обычные деловые переговоры, но вскоре уловил в голосах участников беседы форс-мажорные нотки. Судя по голосам, в кабинете находились несколько человек. Один из них предъявлял какие-то требования хозяину кабинета, и тон его был строго официальным. Голос хозяина показался мне отдалённо знакомым, но я не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах слышал его. К сожалению, видеть сквозь дверь я не мог, поэтому единственным способом утолить разгорающееся во мне любопытство, было целиком превратиться в слух.

Официальный представитель обратился к хозяину кабинета:

– По нашим данным, – отчеканил он, – в вашем здании находятся люди, которые разыскиваются правосудием.

«Наверное, это полицейский», – предположил я.

В ответ ему раздался мягкий голос, который я уже слышал когда-то:

– Вы ошибаетесь, сэр. Наша компания свято чтит американские законы. Все сотрудники, поступающие к нам на работу, тщательно проверяются, и могу вам гарантировать, сэр, что ни один из них никогда не погрешил ни против американских законов, ни против законов любой другой страны.

Полицейский, пропустив мимо ушей заверения собеседника, непреклонно заявил:

– Тем не менее, мы не можем игнорировать тот факт, что все следы ведут в ваши стены. Мы должны обыскать здание. Но прежде, чем мы начнём обыск, хочу порекомендовать вам добровольно выдать преступников, поскольку, как вам должно быть известно, добровольная помощь следствию служит смягчающим обстоятельством в суде.

В ответ на это хозяин кабинета надменно произнес:

– Мне кажется, здесь прозвучали угрозы в мой адрес?! Между прочим, господин полицейский, я – абсолютно чистый и законопослушный гражданин, к тому же, занимаясь своим бизнесом, многие годы исправно плачу налоги на содержание государственных служб США. И мои сотрудники не замешаны ни в каких преступлениях. Мы занимаемся сложными эзотерическими науками, наши исследования ведут к созданию новейшей медицинской техники, появление которой может качественно поднять уровень современной медицины. Цель нашей работы благородна – мы возвращаем больным и страждущим, которых не может спасти традиционная медицина, надежду на выздоровление. И неужели вы думаете, что, спасая по роду своей деятельности сотни человеческих жизней, я или кто-то из моих сотрудников сможем укрывать преступника, да ещё в этих священных стенах! Ваши подозрения отвратительны и оскорбительны, как для меня лично, так и для всего нашего благородного дела. Если вы думаете, что имеете право бездоказательно обвинять нас, то вы жестоко ошибаетесь. У нас найдутся

серьёзные защитники, поэтому любая попытка нанести вред моему учреждению может именно вас, а не меня, – он резко повысил голос, – привести на скамью подсудимых. Будьте уверены, я не прощаю подобных выпадов в свой адрес! Надеюсь, у вас есть ордер на обыск?

К моему удивлению, полицейский замялся и сказал:

– В данный момент у меня нет ордера на обыск, но его доставят буквально через пять минут.

Хозяин кабинета рассмеялся и жёстко, отдельно произнёс:

– В таком случае, господа, мне не о чем с вами разговаривать. Прошу покинуть мой кабинет. В следующий раз я соглашусь говорить с вами только при наличии ордера.

Я решил не дожидаться, когда придёт ордер, и, напев плечами вместе со стариной Сэмом на дверь, мы высадили её и ввалились в кабинет, оказавшись прямо перед большим конторским столом.

Во главе стола восседал знакомый мне Аристарх, которого наше появление сильно огорчило – он был нахочлен и мрачен. Вокруг стола толпились полицейские, среди которых я с радостным изумлением заметил Стаса. Наше появление было столь эффектным, что за ним последовала немая сцена. Я не сводил глаз с Аристарха и заметил, что, воспользовавшись общим замешательством, он пытается ускользнуть через другую дверь.

– Немедленно задержите его! – закричал я. – Этот человек преступник и убийца! На моих глазах его подручные убили девушку. Эту девочку, – я указал на Сьюзен, – мне чудом удалось спасти. Держите его! Он – страшный преступник!

Видимо, и без моих разъяснений, полицейские всё поняли. По команде большого толстого афроамериканца, который, видимо, руководил операцией, двое полицейских мгновенно, хотя и несколько грубовато, подхватили Аристарха, и не успел я и глазом моргнуть, как тот оказался в железных браслетах.

Толстый офицер полиции подошёл к Аристарху и спросил:

– Вы по-прежнему будете утверждать, что здесь нет преступников?

Аристарх взглянул на него с бессильной яростью:

– Без моего адвоката я не скажу вам ни слова!

– Думаю, на сей раз никакой адвокат вам не поможет, – холодно произнёс офицер и указал рукой на Сьюзен. – Эта молодая леди уже три дня находится в розыске. Она пропала около своего дома, так же, как и ещё несколько молодых девушек. Мне страшно представить, какая участь была ей уготована, не успею мы вмешаться. Трупы других девушек мы уже нашли. Видавших виды специалистов повергло в ужас то, что вы с ними сделали! Так что лучше не отпирайтесь, а назовите имена ваших соучастников. Хотя, учитывая тяжесть совершенных вами преступлений, я не могу гарантировать вам снисхождение в суде за чистосердечное признание. Но вы можете хотя бы использовать этот шанс.

Аристарх грозно посмотрел на него, но со стороны это выглядело иначе: попытался грозно посмотреть. На деле взгляд его был похож на взгляд затравленного хорька, которому отрезали пути к отступлению и лишили возможности кусаться. Весь прежний лоск сошёл с него, исчезло угрожающее высокомерие, и сейчас, в наручниках, он выглядел отвратительным и жалким. Его глазки бегали, обшаривая стены в поисках выхода, и неожиданно его взгляд встретился с моим.

Последовавшая за этим реакция привела меня в шоковое состояние. Аристарх внезапно подскочил на стуле и завизжал:

– Почему вы арестовываете одного меня?! Вот, – он кивнул головой в мою сторону, – вот кто настоящий дьявол!

Я так растерялся от неожиданного обвинения, что в первое мгновение даже задумался: а не совершил ли я, действительно, за время заточения чего-то дурного?

– Я ничего преступного не делал, – попытался оправдаться я.

– А как же твой брат? – задал он совсем уж непонятный вопрос.

Это переходило всякие границы здравого смысла, я возмутился:

– У меня нет никакого брата!

Аристарх улыбнулся улыбкой иезуита и сказал полицейским:

– Правильно, теперь у него нет брата. Потому что он его убил! Поистине, дьявольский поступок!

Глава пятая. Стас.

«Наконец-то, всё позади, – облегченно вздохнул я, когда мы с Григорием садились в самолёт, направлявшийся в Лас-Вегас. – Я отыскал Григория, и вся эта жуткая история, слава Богу, закончилась».

После арестов в «Ибисе» и прекращения деятельности агентства Дуглас пригласил нас всех к себе и поведал о результатах оперативно-розыскной работы по этому делу.

Оказалось, что этот мерзавец Аристарх, организовал в Лос-Анджелесе целую систему, своеобразную огромную паутину, затягивающую богатых клиентов. Приманка для них была до обидного примитивной: людям предлагались всевозможные чудодейственные средства для продления жизни и исцеления чуть ли не от всех болезней. Конечно же, те, кто годами страдал тяжёлыми заболеваниями, потянулись в агентство и были готовы платить любые деньги за избавление от своих мучений. Реклама у Аристарха была поставлена на широкую ногу, поэтому поток клиентов, – и, соответственно, денежный поток из их кошельков, – расширялся с каждым годом. И всё было бы ничего, поскольку подобных организаций в мире великое множество и, хоть они и не исцеляют, но хотя бы дают людям за их деньги надежду, которая чего-нибудь да стоит. Но появился рядом с Аристархом какой-то персонаж, посоветовавший ему в качестве «терапии» для VIP-клиентов использовать различные древние суеверия. В частности, веру в то, что кровь девственниц устанавливает прямой контакт между Богом и людьми, даёт вечную молодость, счастье и силу. Конечно, к ритуалу предполагалось допускать только самых проверенных клиентов и брать с них немислимые суммы. Вот деньги и лишили Аристарха всего человеческого, если, конечно, предположить, что что-то человеческое в нём до этого было. Начались похищения и убийства девушек. Самое удивительное, что люди, желающие напитаться энергией от жертвоприношения девственниц, находились, и были готовы платить сотни тысяч долларов за участие в ритуале.

Я подумал с грустью, что никакой технический прогресс не способен изменить человечество, если даже в такой цивилизованной стране, как Америка, находятся настолько порочные и извращённые личности, готовые вкладывать огромные средства не в улучшение жизни в стране, а в жестокое убийство. А ведь все они, наверняка, солидные и состоятельные люди, пользующиеся уважением общества!

К сожалению, полиции не удалось ликвидировать всю банду Аристарха. Человек, которого описывал Григорий и который, судя по рассказам моего друга, пользовался немалым весом в этой организации, поскольку именно ему было поручено добыть у Григория амулет, бесследно исчез.

Тело двойника Григория, его брата-близнеца, было обнаружено в подвалах «Ибиса». Аристарх припрятал его труп в холодильнике, по-видимому, собираясь и на нём заработать в одном из своих ужасных шоу. Наконец-то я смог вздохнуть свободно и заявить, как Шерлок Холмс – Генри Баскервилю, что «призрак, который преследовал вашу семью, уничтожен Скотленд-Ярдом». Облегчение, испытанное мной, когда стало понятно, что этот жуткий двойник уже никому больше не угрожает, было безмерным. Мы узнали, что скончался он от черепно-мозговой травмы, – видимо, от кого-то ему здорово досталось по голове...

– Туда ему и дорога, – подытожил за всех Кевин Дуглас.

В аэропорту Лос-Анджелеса мы ждали объявления о посадке. Кевин провожал нас.

Григорий вдруг очнулся от своей обычной «потусторонней» задумчивости.

– Я вас прошу, – он схватил Кевина за руку, – уговорите Сьюзен, чтобы она не делала аборт!

Мы посмотрели на него с непониманием. Стиснув руку Дугласа, Григорий ещё раз горячо повторил свою просьбу. Не разделяя его серьёзности, Кевин громко расхохотался.

– А ты, оказывается, шалун! – он шутливо погрозил Грегу пальцем. – Даром там время не терял! Говорят, некоторым в тюрьме даже лучше, чем на свободе, а? – он хлопнул Григория по плечу так, что тот пошатнулся.

На том и распрощались. Я в очередной раз удостоверился, что Григорий – загадка. То он производит впечатление совершенно нормального человека, то говорит такое...

К моей большой радости, вскоре мрачный Лос-Анджелес был уже позади. Приветствовал же нас сверкающий, как новогодняя елка, Лас-Вегас. Как маленькие дети, припали мы с Григорием к окнам такси, по дороге в гостиницу. Город мчался нам навстречу, переливаясь разноцветными огнями, ослепляя бурной рекламой, завлекая огромными яркими надписями. Некоторое время мы только и делали, что тыкали пальцами в оконное стекло, с восторгом отмечая очередное вычурное произведение световой живописи, но уже очень скоро я устал от всего этого. Город напоминал мне эдакого нашего «нового русского», который, не зная, как еще круче вырядиться, всего себя увесил разными дорогушками побрякушками, а на шею еще надел толстенную золотую цепь. Выглядело это, разумеется, ярко и богато, но абсолютно безвкусно.

Впрочем, мне ли было читать лекции по эстетике американцам! Все-таки не в Питере мы находились – в Лас-Вегасе... Американцы и объяснили нам очень скоро, что их интересуют наши кошельки, а не наше мнение. Администратор гостиницы, в которую мы прибыли, дежурно улыбаясь, произнес:

– Поздравляю вас, господа, вы находитесь в самой яркой точке планеты. По семь долларов в сутки за свет, пожалуйста.

«Чубайса бы сюда, – с тоской подумал я. – В России такие цены ему сняты только в райском сне! Америка – это мир денег, а он руководствуется психологией захвата. Причем, с невероятной наглостью и моральной легкостью в заполучении того, что ему хочется!...»

У меня моментально пропала всякая идеализация Америки. Эта страна всегда, во многих поколениях была сбродом. Кто и зачем ехал сюда? Паломники, романтики, святые? Нет, конечно. Сюда со всей планеты собирались люди, обуреваемые мечтой разбогатеть. Нахватать себе. Америка строилась на человеческой страсти к частному, собственному обогащению. Никакая духовная отвлеченная идея и никакая религиозная вера никогда не были движущим нервом американского общества. В отличие, например, от соседней Мексики, где местное население, о котором американцы с презрением говорят «эти – латинас», куда приятнее жителей «единственной сверхдержавы». Психология частной наживы движет американцами. На этой психологии создавалась, держалась и до сих пор держится их страна. Эта психология – их единственный инстинкт. Сначала они выхватывали у коренных индейцев, потом – друг у друга, потом друг у друга и у всех иностранцев... Американец запросто, на уровне автоматизма может под лучезарной улыбочкой задумывать и осуществлять подлость в отношении своего ближнего. В отношении меня и Григория, по крайней мере.

Поселились мы в высотном тауэр-отеле. Оглядев номер, я собрался было отдохнуть после бурного дня и ночи накануне, но взглянув на Григория, понял, что моим планам сбыться не суждено. Глаза приятеля так и сверкали шальным блеском. Еще бы: казино, игровые столы, огромные деньги и невероятная удача располагались прямо под нами, только спуститься на лифте. Ночь обещала быть веселой...

– Григорий, – начал я как можно более строго, – неужели ты собираешься идти играть в казино?

– А что?! – совсем по-мальчишески отозвался он. – Что такого? Давай сходим, поставим разок, как это говорят, на красное, там, или на черное.

– У тебя что, куча денег и девать их некуда?! – рассердился я.

Но он не слушал меня и уже брился в ванной перед зеркалом! Тот самый человек, находившийся столько времени в заточении, на грани жизни и смерти! Мало мне было с ним забот...

– Григорий! – я постарался успокоиться, чтобы доказательно переубедить его. – Куда ты сейчас пойдешь? Посмотри на часы, уже ночь, спать пора!

– Но я же не до утра, – поднял он обиженные глаза (ну, чисто ребенок!). – Послушай, Стас, я же никогда в жизни не играл в казино!

– А зачем тебе играть? – я выдержал его взгляд. – Ты же читал Достоевского: это пагубное занятие. А помнишь, как у Пушкина, в «Пиковой даме»?..

Зря я упомянул про Александра Сергеевича. «Три карты, три карты, три карты!..» – воспел Григорий, снова пристраиваясь перед зеркалом – чтобы повязать галстук. «Это цунами, – вздыхал я, наблюдая за ним, – остановить невозможно. Вот разве что больших неприятностей еще можно не допустить, – я тоже поднялся, – если пойти с ним».

Мы спустились в игровой зал. Я, конечно, много где бывал и даже считал себя в какой-то степени светским человеком, был уверен, что знаю, зачем на свете существуют казино и как они устроены. Нет! Оказалось, нужно побывать в Лас-Вегасе, чтобы понять: казино – это отдельная планета, уставленная игровыми столами и аппаратами, где вместо воздуха – вечный праздник, жуткий азарт и неутолимая жажда выигрыша. Население же этой планеты живет только игрой на деньги. Понятно, что мы выглядели здесь, как космические пришельцы, хотя Григорий больше напоминал ученого-исследователя и горел желанием поскорее изучить язык и повадки аборигенов, для чего быстро внедрился в их ряды, то есть, уселся за один из столов. «Что с ним поделаешь, – с досадой подумал я, – так и быть, пусть проиграет пятьдесят долларов – больше я ему не дам – и идет спать. В конце концов, надо и ему расслабиться после того, что с ним случилось. – Григорий уже накопил себе фишек и старательно расставлял их. – Точь-в-точь ребенок с новой игрушкой!» Я даже раздраженно отвернулся, но потом успокоил себя тем, что это ненадолго, а непродолжительное время можно и потерпеть, изображая из себя доброго папочку.

Вокруг клубилась энергия безумия, заставляя работать двигатель индустрии развлечений на всю катушку. Завораживающе крутились колеса рулеток, игроки толпились у столов и автоматов, девушки-официантки без усталости разносили кофе, пиво и другие разноцветные напитки. Духу наживы свойственно изгаляться. Максим Горький правильно когда-то сказал: «Город желтого дьявола!» – о Нью-Йорке. Но в еще большей мере это верно для Лас-Вегаса.

А тем временем Григорий выиграл в рулетку. «Новичкам везет!» – услышал я за его столом: соседи дружески похлопали моего приятеля по спине. Я быстро подскочил к нему и дернул за рукав:

– Молодец, выиграл! А теперь все, пойдем отсюда.

Григорий облокотился о стол и глянул на меня хитрым взором:

– А ты разве не сыграешь? Сколько денег тебе хотелось бы выиграть?

Было видно, что никуда уходить он не собирается.

– Мне бы хотелось не проиграть те, которые у меня есть, – попытался призвать я его к здравому смыслу.

Но Григорий задумчиво перебирал выигранные фишки:

– Не думаю, что сегодня мы хоть что-то проиграем. У меня такое предчувствие.

Он отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи, когда я снова потянул его за рукав. Пренебрежительное выражение его лица, самоуверенность, с которой он говорил, мне очень не понравились. Если бы я мог предвидеть то, что случится потом, может быть, у меня хватило бы сил оторвать его от этого проклятого стола!

– У меня предчувствие, – медленно повторил он, – что сегодня мы выиграем много. Сколько тебе хотелось бы, Стас? Скажи!

– А у меня предчувствие, – передразнил я его, – что это дело добром не закончится!

Однако азарт захватил Григория уже до такой степени, что не просто было с ним справиться.

– Я еще раз сыграю, – он вовсе не ждал моего ответа на свой дурацкий вопрос, – а там посмотрим.

Сколько времени я простоял рядом с этим столом – не знаю. Выигрыши Григория нарастали в геометрической прогрессии. Все больше и больше фишек перемещалось к нему после каждой игры, а мне становилось все страшнее и страшнее. Когда он на мгновение оторвался от стола, я заглянул в его глаза. Какой-то нечеловеческий ярко-красный отблеск сверкнул в них... Я похолодел, почувствовав вдруг, что если он сейчас не прекратит, мы потеряем что-то очень важное, быть может, самое важное в жизни.

Вдруг на мою спину легла чья-то рука. Я обернулся и увидел странного высокого старика в белом одеянии. Его взгляд был мудр и одновременно презрителен. Он поманил меня к себе длинным узловатым пальцем и произнес чуть слышно:

– Если ты его сейчас не остановишь, он потеряет свой дар.

– Что именно? – не понял я, думая, что этот старик – кто-нибудь из персонала казино.

– Избранные свыше люди не имеют права использовать свой дар для наживы. Еще один выигрыш, и ему придется расстаться с амулетом, а собственная его жизнь закончится печально. Знаешь ли ты, что стало с теми, кто, ощутив данную им свыше силу, соблазнился и использовал ее не во благо человечества, а лично для себя?

– Вы о ком? – глупо спросил я.

– Много было людей, разбогатевших очень быстро и неожиданно для всех, – монотонно продолжал старичок. – Чем они кончили? Кто-то сошел с ума, кого-то убили, кто-то сам на себя руки наложил. А чья-то смерть до сих пор загадка... Все они, получив дар от Бога, отвергли дарителя и устремились к своей собственной наживе. А обращение к черным силам неизбежно влечет за собой распад личности, и в итоге – скорую физическую смерть. Не дай твоему другу повторить эту ошибку. Разве вы за этим сюда приехали?

С этими словами старик испарился буквально на моих глазах. Некоторое время я не мог пошевелиться, тупо глядя в сторону, где он только что был, потом спохватился и обернулся к Григорию, который, как ни в чем ни бывало, раскладывал очередной ряд фишек, подгребая к себе другой рукой новые несметные выигрыши. Я ощутил, что сейчас мы оба находимся как никогда близко к краю бездны и решительно подошел к столу, готовый на все, чтобы эта безумная игра, наконец, прекратилась.

– Гриша, – начал я спокойно, – нам надо выспаться. Мы же с тобой собирались завтра в Большой каньон.

– Да отстань ты от меня! – резко взвизгнул он. – Отстань!!! – завопил он не своим голосом. – Ты же видишь – мне пошла удача! Почему ты не даешь мне заработать?! Хочешь, чтобы только у тебя были деньги?! Увидим мы твой Большой каньон, завтра увидим! А сейчас, – он немного понизил тон, – не порть мне, пожалуйста, нервы и везение. Успеешь ты выспаться. – Он снова повернулся к столу. – Не знал я, Стас, что ты такая зануда!

Разве можно разговаривать с невменяемым человеком? А шарик уже снова пустился в путь по кругу. Красное, черное, красное, черное... С каждым его поворотом я чувствовал, что сейчас рухнет вся наша затея поиска общечеловеческого счастья. Рядом со мной окажется не уникальный владелец философского камня, на которого я возлагал огромные надежды, а просто ничтожный игрок, который проиграет все, что успел выиграть, пока ему везло, и утром в полном отчаянии попросту выбросится из окна гостиницы. Судьба его предрешена. «А! – решил я. – Хуже уже не будет», – и навалился на игорный стол, успев схватить барабан до того, как шарик остановился...

Что последовало дальше, трудно описать. Разумеется, мой неожиданный выпад не привел в благостное состояние ни крупье, ни игроков, ни охрану. Падая, я зажмурился и поначалу только слышал поднимающуюся суматоху. Но вот кто-то грубо сбросил меня со стола на пол, вернее, на фишки, которыми он был усыпан, – чьи-то несостоявшиеся выигрыши, вот начали бить,

чем попало и куда попало, вот Григорий, оттаскивая кого-то в сторону, закричал «Не смейте его трогать!» и потребовал вызвать полицию... «Надо же, – пронеслось у меня в голове, – встал на мою защиту! А я-то думал, вместе со всеми отведет душу!...»

В конце концов, мы оба оказались в полицейском участке (Григорий добровольно сопровождал меня). Меня потрепали довольно сильно, порвали рубашку, в кровь разбили нос, многочисленные синяки и ссадины не доставляли приятных ощущений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.